

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Н. Лукин. Альфонс Олар

В. Далин. Мануфактурная стадия капитализма во Франции XVIII в. в освещении «русской школы»

И. Завитнович. Расслоение крестьян в Бретани накануне Великой французской революции

Н. Лукин. Борьба классов во французской деревни и продовольственная политика конвента в период действия 2-го и 3-го максимума

Ц. Фридлянд. 9-е термидора

К. Добролюбский. Классовая борьба в парижских секциях в первые месяцы после 9-го термидора

С. Моносов. Последние выступления парижских предместий

Н. Фрейберг. Шомет, генеральный прокурор Парижской коммуны, в первые годы Великой французской революции

О. Вайнштейн. Французские торговые колонии на Левансе при старом порядке и в эпоху революции

Ц. Фридлянд. Итоги изучения Великой французской революции в СССР

Н. Лукин. Новейшая эволюция Альбера Матьеза

ПОСЛЕДНИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПАРИЖСКИХ ПРЕДЕСТИЙ

ЖЕРМИНАЛЬ

I

Весна 1795 г. была отмечена двумя революционными выступлениями парижской рабоче-ремесленной массы, и эти выступления 12 жерминаля и 1 прериаля были последними массовыми выступлениями французской революции. Фоном этих выступлений было тяжелое продовольственное положение, которое в первую очередь всеми своими невзгодами и тяготами ложилось на беднейшие слои парижского населения. Не только весна 1795 г., но и зима 1794/95 г. была в отношении продовольствия, а также и в отношении своей суровости необычайно тяжела для парижской бедноты.

«Эта зима, — пишет Тьер, — позволившая нам перейти реки и морские проливы Голландии, заставила нас дорого заплатить за победу, обрекла население городов и деревень на жестокие страдания»¹.

Действительно, даже зима предыдущего года, время, когда была сделана попытка совершить гебертистский государственный переворот, для парижской бедноты являлась менее тяжелой, нежели зима III г. республики. Политический горизонт был покрыт такими же мрачными тучами, как и декабрьское и январское небо. Уже несколько месяцев, как «тиран» был низвергнут, якобинцы приведены к молчанию, умеренные стояли у власти, бывшие заключенные, изгнанники, жирондисты возвращались в Конвент, но широкие народные массы начали ощущать на себе все прелести господства термидорианских нуворишей.

Отмена максимума, произведенная 4 нивоа, уничтожила последнюю гарантию для трудящейся бедноты получить хлеб. Ничем не стесняемая спекуляция пышно распустила свои махровые цветы.

«Среди этого громадного города, — читаем мы в одной тогдашней газете, — образовалась маленькая республика спекулянтов, не-

¹ Thièrs, Hist. rev. franç., v. III, p. 171.

заметно разрастающаяся и идущая от одного завоевания к другому. В настоящее время Французская республика борется с республикой спекулянтов, своим смертельным врагом, и столкновение настолько ожесточенно, что в конце концов должно ждать катастрофы. Этого все боятся и все работают в этом направлении. Число тех, которые отдались на служение враждебной республике, бесчисленно, потому что она действительно широко оплачивает эту службу. Какой-нибудь парикмахер превращается в торговца сахаром и кофе; какой-нибудь одинокий бабшачник продает муку, какой-нибудь привратник — масло; портной держит магазин свечей. Пищевые продукты и ткани частью поднялись из первого этажа в четвертый. Вот одна из многих причин обезличенности ассигнаций, чрезмерной дороговизны всего, что потребляется, и общественной нищеты»¹.

Но рядом со спекуляцией и роскошью, которая царила в зажиточных кварталах, в кварталах бедноты, в предместьях, населенных рабочими и ремесленниками, свирепствовала жестокая нужда. И хотя зима и прошла, и миновали небывалые для Парижа — свыше 15° — морозы, но продовольственное положение не улучшилось, а ухудшилось и продолжало причинять невероятные страдания трудящимся. Граф Лавалет, мало склонный почувствовать широко народным массам, дает такую характеристику состояния и положения термидорианского Парижа: «Голод был отвратителен, нищета достигала своего предела, и суверен (народ) едва осмелился жаловаться. Это была лишь подлая чернь, лишенная энергии, еще краснеющая под ударами карающей ее руки, но не имевшая даже в мыслях восстать. Каждое утро город являл собою печальное зрелище тысяч женщин и детей, вереницами сидящих на мостовой около дверей булочных, для того чтобы получить за плату какой-нибудь кусок хлеба. Половина Парижа питалась только картофелем. Бумажные деньги не имели цены, серебро не было в обращении, и такое положение продолжалось около года... В эту эпоху беспорядок в обществе достиг своего апогея, ранги исчезли, богатство переменило владельцев; так как было все еще опасно хватать своим рождением и вспоминать свое бывшее существование, задавали тон люди, заново обогатившиеся, которые ко всем причудам своего плохого воспитания прибавляли еще смешную сторону покровительственного отношения, которое они оказывали, не соблюдая никакого достоинства... Прежние дворцы и частные сады были превращены в места удовольствия, и повсюду царила суматоха, безрассудство, буйная распущенность дурного тона, презрение ко всякой благопристойности, которые возбуждали стыд и отвращение...»².

¹ Aulard, La réaction thermidorienne à Paris, p. 836—837 (оттиск).

² Lavalette, Mémoires, p. 34—35.

Люди, уцелевшие в эпоху террора, люди, нажившиеся в эту эпоху, предавались бурной радости и веселью, они вели роскошную жизнь, а предместья, населенные беднотой, голодали. Неприятно в этих предместьях на окрик патруля «кто идет» отвечали: «пустой живот». Существовало два Парижа: Париж бедноты и Париж термидорианских богачей. Столкновение между ними было неизбежно. Член Конвента Левассер в своих воспоминаниях говорит о двух различных населяющих Париж нациях. И действительно, «иностранец, который прибыл бы в Париж, не мог бы с первого взгляда поверить в реальность этого голода. Выставки кондитеров были полны прекрасными глазированными булочками. Хлеб продавался повсюду, у парикмахеров, у галантерейных торговцев, на столах, на открытом воздухе, в Пале-Рояле и на улицах. Но если фунт хлеба стоил три су у булочника, у других торговцев он стоил десять ливров»¹.

Три су за фунт хлеба были твердой ценой, и эта твердая цена представляла собой частичное восстановление максимума. Но поскольку вся совокупность мероприятий, поддерживавшая максимум, отсутствовала, постольку отсутствовал и хлеб, который можно было бы по этой цене продать. Установили не только твердую цену, установили и пайки, но хлеба не было и в размере пайка. Приходилось простаивать целые ночи у булочных для того, чтобы утром услышать из уст булочника отказ. Небольшой и без того паек пришлось уменьшать...

Наудачу выхваченные строки из отчетов полицейских инспекторов прекрасно обрисовывают нам истинное положение вещей. «Всегда имеются, — читаем мы в одном из докладов, — сборища у дверей булочных; оказалось необходимым вытребовать военную силу для того, чтобы восстановить порядок около многих из этих булочных... В секции Прав человека булочники — граждане Бизуар, Патриарк и Гарнье — не могли удовлетворить всех своих клиентов, хотя Гарнье, один из них, не давал рабочим полагающихся им по закону полутора фунтов... Порядок был нарушен на Старой улице Тампля, но он был восстановлен проходящим патрулем...».

«Сборища, — рассказывает нам другой доклад, — были обнаружены около мясных и колбасных. Рынки плохо снабжены, особенно овощами. То же положение и с мясом». Через два дня (2 жерминаля — 22 марта) доклад сообщает, что в секции Гравилье и Вооруженного человека «многие вовсе не получили хлеба... У дверей мясников и колбасников — вечные сборища»².

После этого мы не будем удивляться сообщению, исходящему из того же источника, о том, что «ропот по поводу дороговизны

¹ Aulard, La Réaction thermidorienne, p. 833.

² Aulard, Paris pendant la réaction, p. 585, 599.

продовольствия и трудностей, связанных с доставанием хлеба, продолжается», «что многие граждане горько жалуются на невозможность получить хлеб», что другие «сетуют на невыполнение закона о выдаче им одного фунта хлеба и на то, что их потребление хотят свести к полуфунту». Эти жалобы по словам полицейского инспектора «являлись причиной беспорядков в секциях Гравилье и Бонди»¹.

В этих условиях несомненно правдоподобным оказывается имеющийся в полицейском рапорте рассказ о некоей женщине, «матери семейства, которая, не имея, что дать в пищу своим трем детям, умертвила их»².

Совершенно понятным оказывается и то, что процедура распределения хлеба делается все более бурной, что 10 жерминаля комиссар полиции был принужден в секции Прав человека явиться к дверям булочной в сопровождении вооруженной силы и братски уговаривать граждан, собравшихся здесь с вечера, чтобы они из соображений здоровья и отдыха разошлись и возвратились к 5 час. утра. Однако наш комиссар получил на это ответ, что граждане не получали хлеба уже несколько дней и что они будут настаивать на сохранении своих мест в очередях³.

Баррас в своих мемуарах так оценивал тогдашнее положение Парижа: «Положение становилось с каждым днем все более критическим и более тревожным. Париж имел лишь очень небольшое количество муки, и эта мука была испорчена»⁴.

Но значило ли это, что грядущие революционные выступления должны были оказаться голодными бунтами, подобными, скажем, восстанию силезских ткачей или совершенно аполитичному выступлению лионских рабочих 1831 г. На самом деле, как мы уже говорили, тяжелое продовольственное положение было лишь фоном того столкновения, которое разыгралось между двумя нациями (как об этом говорит Левассер), составлявшими парижское население. Опыт, вынесенный из шести лет революционной борьбы, не мог пропасть даром. Борьба должна была принять политические формы, восставшие должны были двинуть политические требования на смену крупным, исчезнувшим с политической арены политическим деятелям, должны были выступить в значительной степени новые люди, доселе неизвестные за пределами тех кварталов, где они жили. Словом, так или иначе назревали последние революционные выступления демократии...

Прежде всего общая ожесточенная ненависть широких народных масс к Конвенту никем из представителей этих масс не скрывалась, и она конечно была вполне объяснима. За 12 дней

до восстания автор полицейского рапорта сообщает о том, что на террасе фельянов какой-то рабочий резко выступал против Конвента. Он утверждал по словам рапорта, что Конвент состоит лишь из негодяев и что по залу заседаний следует выстрелить картечью. Через несколько дней из тех же источников мы узнаем, что рабочие предместья Жак и Марсель собираются идти на Конвент. В очередях около булочных слышатся оскорбления по адресу правительства и ропот против него. На стенах домов предместий появляются афиши, авторы которых остаются неизвестными. Одна такая афиша была озаглавлена: «Адрес к Конвенту и народу» и носила по словам рапорта зажигательный характер. Особенно взволнованы женщины, они обвиняют мужчин в трусости, укоряя их за то, что те не желают проявить себя. Они утверждают, что жить стало невозможно, они обходят мастерские и уговаривают всех присоединиться к ним, чтобы вместе идти к Конвенту¹.

Правительство чувствует подготавливающееся движение. Оно сосредоточивает вокруг Парижа войска, но это мероприятие только увеличивает недовольство. Уже 19 вентоза (9 марта) публика выражает беспокойство по поводу размещения войск в окрестностях Парижа, в особенности в Версале. Причем говорят о сходстве положения с 1789 г.²

Граждане предместий Сен-Дени и Сен-Мартен были чрезвычайно обеспокоены прибытием в Париж большого числа гусар, причем выражались различные мнения; некоторые спрашивали у солдат о цели их прибытия и были неудовлетворены неясным и путаным ответом³.

Приходят в движение секции. Полицейский рапорт от 2 жерминаля говорит о бурных собраниях секций предыдущего дня. В секции Друзей отечества члены прежнего секционного народного общества оскорбляли некоторых лишь эпитетами: воры, кровопийцы, террористы и преступники. В секции Арсенала обсуждали и одобрили петицию Конвенту⁴.

Так как деятельность народных обществ была сведена на-нет, а заседания секций сокращены до одного в декаду, бурная общественность создает свои собственные центры, и здесь важнейшую роль играют кафе. В них разыгрываются бурные сцены. Так, три сотни человек врываются в кафе «Кретьен» в поисках якобинцев; здесь они совершают ряд бесчинств и лишь после этого удаляются в главную квартиру врагов демократии — в Сад равенства. Следовательно, золотая молодежь, обитатели этого злачного места, фрероновские молодцы приходят в движение.

¹ Aulard, op. cit., p. 600, 602.

² Ibidem, p. 615.

³ Ibidem, p. 619.

⁴ Vargas, Mémoires, v. I, p. 228.

¹ Aulard, Paris pendant la réaction, p. 589, 591, 615, 604—605.

² Ibidem, p. 543.

³ Ibidem, p. 600.

⁴ Ibidem, p. 586.

В предчувствии надвигающихся событий они к излюбленной форме своей деятельности, хулиганским выступлениям, прибавили еще новую. Понимая, что грядущие выступления будут, как и прежние, массовые движения, выступлениями рабоче-ремесленных предметов, шеголи начинают завязывать сношения с обитателями этих предместий. 2 жерминаля в кафе «Шартр», главном штабе золотой молодежи, появляется депутация из Сент-антуанского предместья, имеющая целью побрататься с завсегдатаями этого кафе, причем выносится решение об организации на другой день, в целях закрепления братских уз, совместного завтрака. На этом деле не кончается. На другой день в Саду равенства зачитывается проект адреса Сент-антуанскому предместью, в котором золотая молодежь приглашает рабочих предместья присоединиться к ним, для того чтобы вместе бороться с предателями и поддерживать единую неделимую республику. Затем мы узнаем, что депутация действительно посетила Сент-антуанское предместье, но что это посещение не имело никакого успеха: на месте свидания золотой молодежи и рабочих оказалось не более 5—6 человек¹.

II

Что касается политических событий, которые могли бы производить впечатление на парижскую рабоче-ремесленную массу, недостатка в них не было. Процесс Фулье Тенвилля, начало следствия против прежних членов комитетов — все это должно было возбуждать, волновать и нервировать народ. 2 марта, в день доклада «комиссии 21» вокруг Конвента собираются толпы, в Саду равенства какой-то военный говорит, что «те, кто кричат теперь против террористов и кровопийц, в свое время совершали еще большие преступления и что в случае наступления каких-либо событий эти люди попрячутся, как это делают всегда». В результате пришлось арестовать нескольких лиц².

Позднее даже в галереях Пале-Рояля слышатся по отношению к обвиняемым — бывшим членам комитета — сочувственные речи. «Многие граждане говорят, что было бы несчастьем, если бы обвиняемые погибли; это привело бы на гильотину более 80 тыс. человек». «Дай бог, — говорили другие, — чтобы для блага Франции прекратилась всякая ненависть», и, наконец, третьи говорили «о недопустимости участия в голосовании по поводу судьбы обвиняемых со стороны тех депутатов, которые только что прибыли из заключения»³.

Согласно обычному представлению оба весенних выступления парижской массы являются чем-то внезапным, стихийно возник-

шим, каким-то взрывом, происшедшим благодаря неожиданно лопнувшему народному терпению и благодаря внезапно проявившемуся народному гневу. Между тем оба выступления — и жерминальское и прериальское — являются лишь звеньями длинной цепи событий. С другой стороны, и об этом мы уже говорили, самой обычной трактовкой характера обоих движений является квалификация их как голодных бунтов. Этот взгляд является настолько распространенным, что его не нужно подтверждать никакими ссылками и цитатами. Достаточно будет указать, что даже в новейшей работе, посвященной термидорианскому периоду, работе, вышедшей из-под пера Матьеза, глава, посвященная жерминалю, озаглавлена «Первый голодный бунт», причем очевидно предполагается, что прериаль является вторым голодным бунтом. Ниже мы постараемся показать, что выступления весны 1795 г. являлись не более голодными бунтами, чем некоторые другие массовые выступления революционной эпохи. Элементы экономической нужды переплетались в этих выступлениях с требованиями политическими.

Цепь событий, звеньями которой были дни 12 жерминаля и 1 прериала, представляет собою ряд выступлений, носящих то чисто продовольственный, то политический характер. Отрывками из мемуаров и полицейских отчетов мы попытались обрисовать экономическое положение парижской бедноты. Острота этого положения привела уже к некоторым выступлениям в конце вентоза. 27-го числа этого месяца (17 марта) толпа окружила Конвент. Депутация секций Финистер и Обсерватории (предместье Сен-Жак) появилась перед решеткой Конвента, оратор депутации заговорил сразу в очень решительном тоне. «У нас нет хлеба, и мы готовы пожалеть о всех жертвах, принесенных для революции», — заявил оратор. Шум и ропот прервали его слова. Члены Конвента заявили, что выражение подобных чувств не подходит для добрых граждан. В ответ депутация устроила целую обструкцию. Она начала стучать в решетку и кричать: «Хлеба! Хлеба!» Когда же водворился, наконец, некоторый порядок, и оратор получил возможность продолжать свою речь, он сказал: «Не допускайте подняться среди нас знамени восстания, употребите в дело все средства, врученные вам народом, и дайте нам хлеба. Восемьсот наших товарищей ждут вашего ответа. Если вы удовлетворите нашу просьбу, то мы воскликнем: «Да здравствует республика!» Отвечая делегации, председатель Конвента Тибодо, вместо того чтобы пригласить, как это было принято, делегатов присутствовать на заседании, весьма невежливо указал им на дверь словами: «Конвент расследует ваши требования, он находится на своем посту, а вы возвращайтесь к своим работам». Взбешенные делегаты покинули зал. Их рассказ о происшедшем привел в ярость ожидавшую их возвращения толпу, которая по-

¹ Aulard, Paris pendant la réaction, p. 592.

² Ibidem, p. 522.

³ Aulard, Paris pendant la réaction, p. 617.

пыталась силой прорваться в Конвент, но была отброшена и рас-сеяна¹.

В конце первой недели жерминаля раздражаются крупные беспорядки в населенной ремесленниками секции Гравилье. «Здесь большая часть лавок по причине имевших место сборищ народа была закрыта. Женщины останавливали других женщин и вынуждали их идти на собрание в обычное место секционных заседаний. Они выбрали президента и выбор пал на одного подмастерья-шорника. Он заявил, что все граждане в силу статьи прав человека, провозглашающей право петиций, приглашаются собраться, что необходимо адресовать петицию Конвенту для того, чтобы узнать от него причину недостатка хлеба. Он просил собраться к 8 час. утра на предмет подачи петиции и настаивал на необходимости выбирать добрых граждан, способных носить оружие, для того чтобы во время шествия к Конвенту можно было сохранять и поддерживать порядок. Представитель народа, явившийся на это собрание, попытался успокоить умы, но ему крикнули: «Это не то, что нам нужно, нам нужен хлеб». Представитель народа удалился, и после этого порядок был восстановлен»².

В тот же день в Конвент явилась толпа женщин и требовала, чтобы ее выслушали. Депутат Сотеро сообщил, что он слышал, как пришедшие женщины кричали «долгой Конвент», и что он полагает, что они имеют какие-то другие намерения, чем просьба о хлебе, в котором они вероятно не нуждаются... — в этом месте его прервал сильный ропот с трибун. Сотеро предложил заслушать сообщение Комитета безопасности о происшедших беспорядках. Депутат Гиомар предлагал допускать петиционеров лишь в законном числе двадцати. Предложение было принято, но пришедшие женщины настаивали на том, чтобы быть допущенными в своем полном составе. Однако их просьба удовлетворена не была. Конвентский отчет подчеркивает, что монтаньяры демонстративно не участвовали в прениях. Допущенные в числе двадцати женщины выставили оратора, одну из своих товарок, которая сказала: «Мы пришли просить у вас хлеба. Декрет гарантирует нам 1½ фунта хлеба в день, но сегодня утром нам пожелали дать не более полуфунта. Никто не хотел его получать. Никто не может покупать на 40 су продукты, которые заменили бы недостаток мяса». В ответ на уговоры председателя вся делегация начала кричать: «Хлеба, хлеба!» Представитель продовольственной администрации Буасси д'Англа, — Буасси-голод, как его прозвал народ, — выступает на поддержку председателя. Он утверждает, что хлеб в своем пути задерживается

бандами злонамеренных. Женщины продолжают требовать хлеба, «вершина» раздражается смехом. В ответ на реплику Буасси женщины кричат, что они являются представителями не только секции Гравилье, но и всех секций. В конце концов после нескольких выступлений депутатов, в том числе выступления депутата Лекуантра, сообщившего, что в Пале-Рояле хлеб стоит 25 су за фунт, в Версале — 20, в Лионе — 40, Конвент просто перешел к порядку дня.

Однако дело на этом не кончилось. Осложнения в секции Гравилье продолжались. Представитель Комитета безопасности сообщил Конвенту ряд интересных деталей беспорядков: колокольчик, которым созывались собрания, был похищен; на незаконно созванном собрании зачитывали статью Декларации прав человека, провозглашавшую сопротивление народа угнетению со стороны правительства священной обязанностью. Далее представитель правительства сообщил о возможности восстания в ближайшую декаду и о наличии сношений между различными секциями и рабочими предместьями. Кроме того, цитируя слова одного национального агента при департаменте, представитель Комитета передал загадочную, произнесенную якобы каким-то жителем предместий фразу: «Мы знаем, что 150 оседланных лошадей остаются целый день взнузданными для того, чтобы развозить народных представителей в те места, где вспыхнут беспорядки, но мы-то, — будто бы говорил этот представитель предместий, — тоже имеем и таких лошадей, и своих представителей»¹.

На другой день в 8 час. утра состоялось большое собрание вокруг комитета секции Гравилье, причем граждане настаивали на открытии зала общих собраний и хотели обсуждать вопрос об освобождении арестованных накануне петиционеров. Умы были возбуждены, и были собраны значительные вооруженные силы. К полудню в группах заговорили о том, что отправлены делегации в предместья и что необходимо низшим классам завладеть пушками, выражали опасение, что крупные торговцы держатся иных взглядов... Говорили: «необходимо, чтобы нам немедленно возвратили наших товарищей». Рабочие казались рассерженными тем, что не задержали первые появившиеся среди них патрули. Между двумя и пятью часами была сделана попытка организовать собрание на бульваре и отправиться к Конвенту... К вечеру среди женщин послышались разговоры о том, что теперь, мол, свобода существует только для тех, кто кричит — «долгой якобинцев». Некоторые граждане жаловались на то, что права человека нарушены, ибо запрещено говорить, даже прося хлеба. Предлагали вновь созвать всех граждан в ближайшую декаду и требовать освобождения задержанных².

¹ «Moniteur», v. XXIII, p. 717—718; Thi ba u d e a u, Mémoires, v. I, p. 147.

² A u l a r d, Paris pendant la réaction, p. 610.

¹ «Moniteur», v. XXIV, p. 85—86.

² A u l a r d, Paris pendant la réaction.

Переходя к политическим элементам движения, нам следует рассмотреть вопрос о том, какая связь была между происходившими событиями и конвентской вершиной. Конечно политические противники монтаньяров целиком обвиняли их в организации всех революционных выступлений того времени. Мемуары и исторические сочинения, принадлежавшие по большей части перу противников монтаньяров, ставят вопрос очень решительно и отвечают на него очень определенно. Члены конвентской вершины, видя свое безвыходное положение и сознавая опасность, угрожавшую их товарищам (7 жерминаля Конвент заслушал оправдательные речи бывших членов Комитета безопасности), решили апеллировать к революционному народу и обратились к предметам.

Дюран Майан пишет: «Билло Варен обратился к своим добрым друзьям-якобинцам, оплакивавшим смерть своего вождя. Он произнес перед ними речь о катастрофических последствиях реакции... Якобинцы и монтаньяры проснулись, казалось, одновременно и подготовили оба восстания — и 12 жерминаля, и 1 прериаля»¹.

Дюваль, этот бард золотой молодежи, склонный пичкать читателя сенсационным материалом в своих «Термидорианских воспоминаниях», пишет: «Гнев якобинцев не имел границ, и они в своих почных собраниях подготовили начало долженствующего вспыхнуть восстания»². Близкий по своим взглядам к Дювалю Лакретель тоже утверждает, что «восстание 12 жерминаля было вызвано семью обвиненными членами Комитета». Паскье передает в своих мемуарах, что Фукье Тенвилль во время своего процесса говорил будто бы о подготавливаемом народном выступлении³.

Добросовестный историк Тулонжон говорит о том, что «прежняя партия якобинцев объединилась для того, чтобы вызвать инцидент, который был бы способен замедлить следствие над прежними членами Комитета». На той же точке зрения стоит и Васселен⁴.

Что представляют собой эти утверждения? Простую ли ложь, имеющую своей целью оправдать задним числом произведенные над монтаньярами расправы, объясняются ли они желанием преподнести читателю сенсационный материал или к этим утверждениям есть кое-какие основания? Нам думается, что в этих

¹ Duran Maillan, p. 271.

² D u v a l, Souvenirs thermidoriens, p. 120.

³ L a c r e t e l l e, Précis historiques, p. 418; P a s q u i e r, Mémoires, v. I, p. 113.

⁴ T o u l o n g e o n, Histoire de France, v. V, p. 206; V a s s e l i n, Mémoires révolutionnaires, v. IV, p. 154.

утверждениях имеется известная доля истины. Кое-какое отношение, если не вся вершина, то часть ее к происшедшим выступлениям имела. Здесь важнейшими документами должны являться свидетельства самих монтаньяров. Левассер в своих воспоминаниях там, где он касается жерминальских событий, пишет: «Это верно, что мы желали восстания, наши речи, наши действия имели своей целью показать его необходимость, мы готовились принять в нем участие и им управлять, но мы не старались завязать никаких интриг для того, чтобы его вызвать»¹. Это полупризнание дает нам очень много. Тем более, что несколькими строками ниже Левассер рассказывает о том, что он и его товарищи находились в величайшем беспокойстве: «без всяких связей с движением, которое беспрестанно возобновлялось, мы понимали, что существует симпатия между нами и народом. То дело, в защиту которого народ совершал свои вооруженные прогулки по улицам столицы, было делом, защищаемым нами с трибуны. В наших частных совещаниях мы старались предугадать события и задавали себе вопрос, как и когда нужно будет нам принять участие. Мы решили ждать событий и встать на сторону народа лишь в тот момент, когда нам представляется некоторые шансы на успех»².

Но не было ли среди конвентской вершины таких депутатов, которые смотрели бы на дело более решительно? Мы полагаем, что такие лица среди них имелись. Очевидно они непрочь были ввязаться в восстание, да ведь и сам осторожный Левассер не был принципиальным противником восстания, но желал участвовать лишь в таком восстании, успех которого был бы гарантирован.

Кабэ — автор «Популярной истории французской революции», более известный конечно как автор «Икарии», — заявляет: «Революционеры хотели восстания». Далее Кабэ пишет: «Но где собраться для того, чтобы концентрировать свои силы, ведь больше не было других возможностей кроме тайных собраний?»³. Тулонжон тоже говорит о частных собраниях, которые заменили собою закрытый Якобинский клуб. «Здесь партийный дух поддерживался, дух гражданский поощрялся, и самолюбие создавало надежду. На одном из таких собраний священник по имени Шаль (Châles) собрал некоторых своих товарищей по Конвенту; их план состоял в том, чтобы распространить в народе слух о том, что Конвент хочет отменить конституцию 1793 г. Они сообщили свои проекты Добсану (Dobsan) и Ванэку (Vaneck), двум людям, из которых первый был президентом Революционного трибунала, имел

¹ L e v a s s e u r, Mémoires, v. IV, p. 203.

² Ibidem, p. 208—209.

³ C a b e t, Histoire populaire de Revolution française, v. IV, p. 195.

пробывание в секции Единства и в Новом клубе, в котором на глазах у секций Кэнз-Вэн организовались остатки якобинцев»¹.

Васселен тоже говорит о развивающейся агитации якобинцев. «Дюгем, Крассу, Гентц, Менье, Тюррио и Камбон продолжали агитировать среди групп и на тайных собраниях убийц»². В этом указании несомненно имеется зерно истины. Некоторые из перечисленных, равно как и ранее упоминавшийся Шаль, могли быть связаны с массовыми движениями.

Об оживлении деятельности якобинцев сообщает нам и Болье: «Изгнанные из своего клуба якобинцы создали новые клубы, из которых главным был тот, который находился в зале старого Лувра. Сюда имели доступ все, как и к якобинцам, и все слушали их декламации»³. Историк-робеспьерист Лаптонерей говорит: «Партия патриотов не могла оставаться безучастной и сложившей руки в то время, когда термидорианцы заносили ногад головами ее вождей. За несколько дней до восстания влиятельные патриоты пошли из одного клуба в другой, из квартала в квартал для того, чтобы поднять мужество». Кларти в своей работе «Последние монтаньяры», имея очевидно возможность использовать какие-то недоступные нам источники, говорит, что Леонард Бурдон агитировал в своей секции Гравилье, где он когда-то выступал против Жака Ру, Фейо в секции Пик, а Давид — в бывшей центром движений осени 1794 г. секции Музея⁴.

Относительно участия монтаньяров в подготовке жерминальского выступления, по крайней мере относительно участия части их, именно левого крыла конвентской вершины, приходится ответить положительно. Недаром ненависть термидорианцев после поражения жерминальского выступления обрушилась именно на это левое крыло. Недаром Леонард Бурдон искал убежища в секции Гравилье и недаром эта секция встала на его защиту. По этому поводу в одном из номеров «Республиканского курьера», вышедшем после печальных событий жерминаля, мы читаем: «В три часа пробили повсюду сбор, дело шло о нескольких мятежниках из секции Гравилье, захотевших помешать проведению в жизнь постановления об аресте Леонарда Бурдона. Грохот барабана и наступление генерала Пишегрю, возглавлявшего солидные воинские силы, напугали их, и зачинщики пустились наутек, внезапно изменив свой тон и речи. Тогда секция, ставши свободной, сама отвела в комитет мятежника Бурдона». Как бы ни старался журналист «Республиканского курьера» изобразить это событие как смехотворное и незначительное, очевидно мы здесь имеем серьезное выступление секции в защиту человека,

имевшего с нею прочные связи. Очевидно в чем-то был замешан и бывший священник Шаль. Недаром он постарался в момент начала расправы с монтаньярами, после краха жерминальского движения, исчезнуть из зала заседаний и потихоньку уничтожить имевшиеся при нем документы¹.

IV

С вопросом об участии конвентской вершины в подготовке к жерминальскому выступлению связан вопрос о лозунге «конституции 1793 г.». Развивающиеся события, рост реакционных сил и возвращение жирондистов должны были предупредить монтаньяров о неизбежности пересмотра конституции. Недаром один из монтаньяров на том же заседании, на котором было принято решение о восстановлении в правах объявленных в свое время вне закона депутатов, внес предложение о том, чтобы конституция была помещена в зале заседаний Конвента. Через некоторое время, 29 нивоза конвентский *enfant terrible* Лекуантр, этот человек, «сидящий — по словам Левассера — среди болота и голосующий с якобинцами», предложил восстановить конституцию 1793 г. Не прошло после этого и десяти недель, как Мерлэн из Дуэ выступил с заявлением: «Есть только одно средство уничтожить врагов республики — это немедленно ввести в действие конституцию». Это заявление было встречено бурными аплодисментами вершины².

Рапорты полицейских инспекторов указывают на то, что население столицы не оставалось безучастным к событиям, происходившим в Конвенте. «После закрытия заседания Конвента, — читаем мы в одном рапорте, — стали образовываться группы по соседству с Конвентом. Умы, казалось, были взволнованы проектом декрета о предстоящем созыве первичных собраний... Эта новость вызвала большое возбуждение в кафе «Шартр». Здесь на это предложение смотрят как на несчастье республики; но в кафе «Валуа» этого не думают, завсегда в кафе выражают в своих разговорах пожелания успешного проведения декрета». Даже в театрах разговоры о новом проекте вызывают волнение. «В театре на улице Фавар проект, представленный в Конвенте, произвел в антрактах большую сенсацию; большинство считало момент неподходящим и полагало, что он будет опасным, другие же позволяли себе оскорбительные речи». На другой день полицейский рапорт сообщает о проявлявшемся всюду беспокойстве, о раздающихся повсюду разноречивых мнениях: одни говорят о необходимости получить от Конвента отчет в деньгах и продовольствии,

¹ Toulongeon, Histoire de France, v. V, p. 209—210.

² Vasselien, Memorial. revol., IV, p. 157.

³ Beaulieu, Essais historiques, v. VI, p. 171.

⁴ Claretie, Les derniers montagnards, p. 84.

¹ «Moniteur», v. XXIV, p. 125; газеты «Courrier Républicain»; цит. у Aulard, Paris pendant la réaction, p. 634.

² «Moniteur», v. XXIV, p. 90; Levassier, Mémoires, v. IV, p. 203.

другие считают обновление Конвента единственным средством спасения республики¹.

Левассер по поводу настроения масс по отношению к конституции пишет: «Невыполнение закона о продаже зерна сделало нужду ужасной и лишило народ хлеба. Но этого не было достаточно для того, чтобы сделать восстание неизбежным. Выступление Лекуантра дало ему лозунг, и в то же время процесс членом Комитета дал ему естественных вождей»².

Действительно, политическим лозунгом восстаний жерминаля сделалось требование конституции 1793 г. Здесь дело было конечно не в выступлении Лекуантра, а в том, что, как очевидно правильно говорит Левассер, «с этим обещанием демократии для народа связывались все надежды на счастье»³. Нижеприведенное выступление в Конвенте Кошери, представителя Сент-антуанского предместья, покажет, насколько действительно был прав Левассер в своей оценке значения конституции 1793 г. для широких народных масс.

Интерес широких народных масс к вопросу о восстановлении конституции не ограничился спорами в кафе. С конца вентоза начинаются массовые выступления, имеющие характер демонстраций с целью произвести давление на Конвент. Левассер пишет: «30 вентоза народные движения имели место в различных кварталах столицы. 1 жерминаля они приняли характер еще более угрожающий — батальоны предместий, везя свои пушки, пришли, окружив Конвент»⁴.

1 жерминаля, т. е. всего через 4 дня после выступлений секций Финистер и Обсерватории, выступлений, носивших продовольственный характер, у решетки Конвента появилась депутация секций Сент-антуанского предместья. От имени трех секций этого предместья выступил Кошери (Cocheury), начавший с заявления, что «секции явились не для того, чтобы нагромождать пышные фразы», что «народ страдает» и что «это является истиной, которую невозможно скрыть». Затем, посетовав на спекулянтов и ажиотёров, представитель Сент-антуанского предместья перешел к сюжетам политическим. «Секция пришла, — заявил он, — не для того, чтобы просить от вас как общих мероприятий высылку или пролития крови в той или иной части страны. Эти крайние средства часто смешивают воедино и преступников, и невинных, и просто заблуждающихся... В наших руках находится средство прекратить все политические бури, игрушкой которых мы столь прискорбно являемся. Примените же его в действие — проведите же в жизнь с сегодняшнего дня демократическую конституцию

1793 г. Народ ее принял, он поклялся ее защищать, она его палладиум, она ужас его врагов. Тогда-то объединятся все умы и все отдельные личности. Частные интересы сольются для того, чтоб образовать один общий интерес; восстановится справедливое равновесие между предметами первой необходимости и продажной ценой. Злые найдут свою кару в невозможности совершать новые преступления, и национальные силы удвоят энергию и деятельность для того, чтобы наказать объединившихся тиранов и их подкупленные орды за их атаки и покушения, направленные против величия и свободы Франции».

В ответной речи председатель Тибодо весьма прозрачно намекнул на якобинцев: «Конвент, — говорил он, — был долгое время под гнетом некой корпорации, которая как будто и привилегии монархии уничтожила лишь для того, чтобы поставить себя на ее место». Далее, упомянув о призыве к восстанию, об агитации, осуществляемой кучкой подкупленных, Тибодо счел все же необходимым заявить, что «Конвент не приписывает мятежных петиций твердым и искренним защитникам свободы, выходцам из Сент-антуанского предместья».

Выступление делегата секции послужило поводом к дискуссии о конституции. Вторично выступавший Тибодо выдвинул против нее такой аргумент: «Конституция недемократична, ибо согласно ей народное представительство окажется во власти той разговорщицкой коммуны, которая уже несколько раз пыталась уничтожить и погубить свободу». «В тот момент, — говорил он, — когда будет проведена в жизнь вапа конституция, вы не сможете помешать дать муниципалитет Парижу и...» — в этом месте большинство членов Конвента дополнило своего председателя, крикнув: «якобинцам». «Я заявляю, — продолжал Тибодо, — что никогда не соглашусь на немедленное применение конституции, так как не хочу видеть восстановленными в трехмесячный срок якобинцев и распущенным народное представительство»¹.

В заключение было принято решение создать комиссию для выработки органических законов к конституции 1793 г.

Тревожное настроение в столице заставило правительство держаться на-чеку и принять свои меры. Сизе, выбранный в члены Комитета общественного спасения, в день выступления депутатов Сент-антуанского предместья предложил проект декрета, направленный против народного движения. Согласно 13 ст. этого декрета в случае возникших беспорядков должны были бить в набат на башне Павильона единства, находившейся в непосредственной близости от Конвента. Этим набатом как бы вводилось военное положение. Благодаря этому набатному звону декрет был прозван народом «сизесовой обедней». Основной частью

¹ Aulard, op. cit., p. 611, 616, 618.

² Levasseur, Mémoires, v. IV, p. 207.

³ Ibidem, p. 208.

⁴ Ibidem.

¹ «Moniteur», v. XXIV, p. 28—32; Thibaudeau, v. I, p. 147—148.

декрета были статьи, направленные против оскорбителей народного представительства. Конвентская вершина отчаянно боролась против декрета и боролась конечно безуспешно¹.

Но «сизсова обедня» не спасла Конвент от народного выступления. Через 10 дней после принятия декрета и через 4 дня после вышеописанных бурных событий в секции Гравилье произошло жерминальское выступление парижских предместьев. Выступления ожидали в день декады 10 жерминаля. Принимая это во внимание, правительство запретило вечерние заседания секционных собраний, и все-таки декадные собрания секций оказались очень бурными. Повсюду слышались усиливавшиеся крики о голоде. В секциях севера толпа граждан кричала: «Дайте нам хлеба!», и это требование стало общим лозунгом. Беспорядок был настолько велик, что председатели были вынуждены закрывать собрания. «В секции Ботанического сада общее собрание было многочисленным и бурным... В секции Гравилье много смуты было внесено доносом против 30 граждан. Президент был вынужден 4 раза закрывать собрание. В секции Бо-консейль общее собрание было не менее бурным и также закрывалось несколько раз»².

На другой день, 11 жерминаля, одна из секций Сент-антуанского предместья, секция Кенз-Вен, явилась к решетке Конвента. Ее оратор начал свою речь, затронув самый больной вопрос, вопрос продовольствия: «После 9 термидора, — сказал он, — наша нужда возросла. 9 термидора должно было спасти народ, однако народ теперь сделался жертвой всех интриг. Нам обещали, что уничтожение максимума приведет к изобилию, а между тем голод достиг своего предела». После этого оратор перешел к темам политическим: «Аресты продолжаются. Народ желает быть свободным. Ему известно, что когда он угнетен, то согласно Декларации прав восстание является одной из его обязанностей. Почему Париж лишен муниципалитета? Почему ассигнации каждый день дешевеют? Куда делся наш урожай? Почему фанатики и молодежь Пале-Рояля одни имеют возможность собираться? Если справедливость не пустое слово, то мы требуем наказания или освобождения заключенных. Мы требуем, чтобы применили все средства для того, чтобы помочь ужасной нужде народа, вернуть ему все права и немедленно провести в жизнь демократическую конституцию. Мы готовы выступить на поддержку республики и свободы...».

Эта резкая и решительная речь была прервана аплодисментами одних, недовольным ропотом других. Председатель Конвента в своем ответе указал на то, что Конвент восторжествовал над всей Европой и над коалицией, что он занимается нуждами народа и средствами оживить промышленность и земледелие, что

он приступает к работе над органическими законами к конституции 1793 г., но что он «заставит уважать законы и примет решительные меры против тех, кто будет мешать его трудам».

Тогда случилась неслыханная вещь: оратор делегации Сент-антуанского предместья, нимало не смущаясь, потребовал слова для ответа. Бурдон из Уазы вскочил с своего места и заявил, что оратору и так оказана большая честь тем, что он выслушан на заседании Конвента и что недопустимо устраивать диалог между ним и председателем. Тальен потребовал напечатать речи оратора делегации и председателя Конвента для того, чтобы «честные граждане, обитающие в Сент-антуанском предместье, прочтя их, сказали бы, что это не их, добрых и честных республиканцев, взгляды». Трибуны на это ответили ропотом, но Тальен, игнорируя этот ропот, продолжал: «Добрые граждане не станут сожалеть о заговорщицком муниципалитете и о тех временах, когда на эшафот отправляли сотнями лучших и самых полезных патриотов». В этом месте свист, раздавшийся с большой левой трибуны, прервал Тальена, но последний, не смущаясь, заявил, что миновали времена, когда Конвент позволял кучке людей диктовать себе законы. Одобрительный крик всех членов Конвента, кроме левых, поддержал его. Закончил Тальен выражением надежды, что если граждане имеют мало хлеба сейчас, они будут его иметь в изобилии впоследствии. Здесь его речь была вновь покрыта сильнейшим свистом.

Тут же разгорелась дискуссия между большинством и левыми, причем левые говорили о заключенных в тюрьмах и о тех оскорблениях, которые наносят народу, отсылая его от решетки Конвента невыслушанным, благодаря чему Конвент лишается возможности узнать истину...¹.

V

11 жерминаля было как бы репетицией выступления, происшедшего на другой день. В этот день события в Париже приняли гораздо более опасный для Конвента оборот. Умы приходили все в большее и большее волнение, брожение масс росло. «Большое количество народа собралось вчера в группах Национального сада, — читаем мы в полицейском докладе, — все сильно роптали против богатых и купцов, относительно которых говорили, что они снабжаются всем. Некоторые, казалось, хотели отправиться делать у них обыски для изъятия излишков. Здесь были некоторые рабочие, которые бросили свою работу и заявили, что не возьмутся за нее до тех пор, пока у них не будет хлеба... Обсуждался вопрос и о петиции Антуанского предместья. В некоторых группах находили очень плохим то, что петиционеры накануне

¹ «Moniteur», v. XXIV, p. 39—40.

² Aulard, Paris pendant la réaction, p. 619, 622.

¹ «Moniteur», v. XXIV, p. 106—108.

были третированы, как мятежники, в то время как они являются честными оппами семейств и хорошими гражданами».

Недовольство, — сообщал полицейский агент 1-го округа, — достигло здесь своего предела, в 9-м округе создают проект отправиться к Конвенту, в 10-м округе — преирательство между молодыми людьми и рабочими. Последние заявили, что «разговоры о кровопийцах и душителях-якобинцах им надоели и что скоро настанет время, когда все это окончится и когда они сами установят порядок». На мосту Нотр-Дам поговаривали о том, что пора пробить сбор и что следует перебить тех, кто не последует призыву¹.

И на другой день действительно сбор был пробит. В каком настроении находились в это время поднявшиеся массы, показывают события, происшедшие в Национальном саду. Здесь какой-то военный выступил и заявил, что Конвент состоит из одних воров и негодяев, что следует их окружить и завладеть складами оружия, что нужно назначить комиссию, которая взяла бы бразды правления, а он сам готов взять на себя руководство теми, кто выступит с оружием...².

В 9 часов утра загредел барабан в секции Сите. Это били сбор. Массы женщин и подростков, собравшись толпой, заставили следовать за собою всех, кого встречали, и отправились в храм Разума, двери которого они приказали открыть. Офицер, попытавшийся остановить барабанщика, едва избег участи быть повешенным на фонаре. В секции Братства женщины овладели полицейским постом, захватили барабан и тоже начали бить сбор. Они хотели принудить членов гражданского комитета отправиться с ними...

В Сент-антуанском предместье народ задержал два зарядных ящика, думая, что в них находится порох. Ящики были отвезены во двор Убежища слепых. Жители этого предместья и предместья Сен-Жак объединились, чтобы всей массой двинуться к Конвенту.

В секции Хлебного рынка сбор был пробит в 10½ час. утра и послужил сигналом идти к Конвенту...

На улице Монмартр организовалось собрание каменщиков. Десяток из них бежал все мастерские и заставил отправиться к Конвенту всех, кто им попался на пути...³.

Толпы народа двинулись к зданию Конвента. Заседание началось с того, что две верных Конвенту секции через свои делегации просили его не расходиться. Выступление представителей этих секций вызвало бурю негодования со стороны монтаньяров. Один из них прямо заявил, что у конвентской решетки стоит

зам роялизм. Затем Конвент перешел к докладу о продовольственном положении, порученному Буасси д'Англа. Когда докладчик дошел до того места, в котором говорилось, что теперь восставлена свобода торговли и негоцианты и земледельцы освобождены из тюрем, его речь была прервана страшным шумом. Громадная толпа мужчин, женщин и подростков ворвалась в Конвент. Все они махали шапками, и некоторые из них имели на шляпах надпись: «Хлеба и конституции 1793 г.».

Вторжение народа было встречено криками: «Да здравствует республика!». Официальный протокол отмечает необычайное оживление, царившее на крайней левой. Попытался выступить Лежандр, но был заглушен криками: «Долой, у нас нет хлеба!». Мерлэн из Тионвилля спустился с депутатских мест и начал говорить с ворвавшейся толпой. Левые требовали, чтобы он вернулся на свое место. Мерлэн отвечал, что его место среди народа. Мерлэн произносит целую речь. Он уверяет, что народ объединился лишь для того, чтобы заставить почувствовать тяжесть своих нужд, что лишь клеветники могут верить в то, что крепкие руки, разрушившие Бастилию, захотят восстановить трон (крики народа: «Нет, нет!»). «Вы поставите народ в известность, — говорил Мерлэн, — о тех мерах, которые комитет принял для того, чтобы бороться с недостатком припасов, и скажете народу, что никто более нас не хочет конституции 1793 г.».

Когда вторично попытался выступить Лежандр, крики усилились. Громадная толпа народа начала тесниться в дверях, ведущих из залы Свободы в зал Заседаний, и наконец она ворвалась в него с громкими криками: «Хлеба, хлеба!» Трибуны вторили ворвавшимся тем же криком. Депутаты, сидящие на вершине, спускаются к толпе и уговаривают народ не толпиться и проходить через зал. Монтаньяр Гастон, обращаясь к народу, говорит: «Друзья мои, ведь вы хотите хлеба и освобождения заключенных патриотов, не так ли? Прекрасно, мы держимся тех же взглядов, вы все это получите, но проходите поскорее, ибо мы задохнемся...» Другой монтаньяр Гюгэ уверяет Конвент в том, что здесь нет восстания, ибо граждане уважают единство представителей народа, и что они жаждут освобождения своих братьев больше, чем хлеба (голоса: «Да, да, хлеба и свободы патриотов»). «Уже несколько времени подвергают патриотов тюремным заключениям. Любовь к отечеству, необходимость восстановить доверие к ассигнатам — вот что привело сюда граждан, а не желание иметь тирана. Знаете ли вы, чего требуют сегодня? — Конституции 1793 г. (голоса: «Да, да»). Дайте хлеба народу, осуществите немедленно конституцию. Пусть народ не пренебрегает своими правами...» Заключительные слова Гюгэ были покрыты криками толпы: «Да, да. Мы просим, чтобы собрание заседало непрерывно до тех пор, пока мы не получим хлеба».

¹ Aulard, Paris pendant la réaction, p. 623—627.

² Ibidem, p. 627—628.

³ Ibidem, p. 629—630.

Представитель секции Сите Ванэк всходит на трибуну и благодаря водворившейся тишине получает возможность произнести речь. «Представители народа, — начинает он, — вы видите перед собою людей 14 июля, 10 августа, а также и 31 мая (левые бешено аллодируют). Эти люди дали клятву жить свободными или умереть, и они поддерживают конституцию 1793 г. и Декларацию прав человека. Наступило время, когда неимущий класс должен перестать быть жертвой эгоизма богачей и преступности купцов... Окажите нам справедливость против армии Фрерона, против этих молодых людей с дубинками. Люди, разрушавшие 14 июля Бастилию, не думали, что будут созданы тысячи других Бастилий для того, чтобы заключать в них патриотов. Куда делось зерно, собранное благодаря обильному урожаю последнего года? Преступление достигло своего предела. Ассигнаты пользуются всеобщим презрением, ибо вами издан декрет, который лишил их доверия. Не надейтесь восстановить спокойствие и изобилие без того, чтобы наказать эгоистов.

Ты, священная Гора, которая столько раз сражалась за республику, люди 14 июля, 10 августа и 31 мая нуждаются в тебе в этот момент кризиса. Ты найдешь этих людей всегда готовыми поддержать тебя и пролить свою кровь за республику. Граждане, от имени которых я говорю, желают конституции 1793 г. Они проводят целые ночи у дверей булочных. Настало время, когда те, кто создает продовольствие и кто совершил революцию, должны получить возможность существовать. Мы требуем у вас свободы для нескольких тысяч патриотов, отцов семейств, заключенных после 9 термидора. Если вы изменили порядок вещей, существовавший до этой эпохи, то не на них должен обрушиться ваш гнев, ибо только вы одни совершали ошибки...»

Речь была прерываема одобрительными возгласами присутствовавшей толпы и аплодисментами левых. По ее окончании шум затих, и толпа начала проходить через зал Заседаний. Затем у решетки появилась делегация секции Верности. Из уст ее оратора раздались гораздо более умеренные речи. Однако и здесь говорилось и о заключенных патриотах и о конституции 1793 г.

Но спокойствие еще не восстановилось полностью. Кто-то из толпы заметил, что председатель неодобрительно отнесся к речи Ванэка. Потребовали, чтобы он сделал свои замечания во всеуслышание. Дюгем закричал: «Да, пусть он скажет громко». Поднялся шум, заседание было прервано, но вскоре опять возобновилось. На смену секции Верности появилась делегация секции Братства.

Депутация этой секции в первую очередь заявляет, что она не находится в состоянии восстания, что она является, чтобы

потребовать спокойно и благопристойно от своих верных представителей продовольствия. Далее следует секция Колпака свободы. Ее речи звучат еще более примирительно. Секцию Колпака свободы сменяет секция Бон-Нувель. Возникают препирательства между председателем Конвента и монтаньяром Шудье. Последний указывает на председательское место и кричит: «Вот ролялизм сидит в кресле!» Председатель не остается в долгу. «Вы вызываете бурю, — говорит он, — не зная того, что молния падет на ваши головы». «Молния, — отвечает Шудье, — это твои банды из Пале-Рояля».

Возобновившиеся крики: «Хлеба, хлеба!» покрывают перебранку. Большинство членов Конвента заявляет, что не может обсуждать вопросов при создавшихся условиях. Председатель просит толпу продолжать свое прохождение через зал. В ответ слышатся крики: «Хлеба!» У решетки появляется секция Терм. Ее оратор просит Конвент остаться на своем посту. Шум продолжается, но появляются новые секции и высказывают очень умеренные просьбы. Наконец порядок восстанавливается окончательно и Буасси д'Англа возобновляет свой доклад.

По предложению Гужона принимается декрет о мерах обеспечения доставки продовольствия в столицу, а затем от имени комитетов выступает Изабо и возвещает о крахе только что происшедшего выступления и о полной победе термидорианцев. Изабо предлагает проект следующего постановления: «1) Конвент заявляет народу, что он сегодня утром подвергся покушению, направленному против свободы прений. 2) Комитету безопасности поручается разыскать и предать суду уголовного трибунала виновников и подстрекателей этого покушения». Это служит сигналом начать расправу с представителями вершины. Немедленно предлагается и принимается высылка бывших членов комитета и арест Шудье, Шалья и Фусседуара. Приходит сообщение о захвате восставшими депутата Огиза и о произведенном покушении на Пиньера. Конвентское большинство приходит в ярость. Генерала Пишегрю назначают начальником всех вооруженных сил. Ему придают в помощники Мерлэна из Тионвилля и Барраса.

Разоблачения против левой продолжают. Кто-то сообщает, что Шаль, убежавший из зала Заседаний, уничтожает свои документы. Появляется Баррас и сообщает, что Конвент окружен лишь честными гражданами и что благодаря присутствию значительных воинских сил у мятежников не остается никаких надежд на успех. «Через 5 минут, — говорит Баррас, — Конвент будет окружен 30 тыс. людей, 40 пушками и, что еще важнее, — любовью всех граждан».

Выносятся решение об аресте Рюампа, Дюгема и Амарра. Наконец перед самым окончанием этого долгого и бурного за-

седания Мерлен из Тионвилля сообщает, что восставшие попытались организовать собрание в прежнем соборе (Парижской богематери), откуда ими были посланы письма Комитету безопасности, и что генерал Пинегрю направился против этих врагов Конвента.

В заключение Конвент выносит благодарность всем взявшимся за оружие для его защиты. В 6 час. утра заседание закрывается¹.

Движение в секциях не оказалось достаточно сильным для того, чтобы оказать сопротивление сторонникам правительства. В секции Сите и Пантеона собрания были объявлены непрерывными, но скоро оказались распушенными, и хотя по словам представителей Комитета общественного спасения агитаторы еще продолжали удерживать в своих руках некоторые пункты и подавать друг другу сигналы свистками, сопротивление очевидно уже было сломлено. Позднее наступило успокоение в Секции Кенз-Вен. Вечером 13 жерминаля Ровэр сделал следующее сообщение Конвенту: «Злонамеренные действуют опасным образом в секции Кенз-Вен. Клубисты из Сент-антуанского предместья силой открыли зал секционных собраний. Члены бывшего Революционного комитета были избраны ими председателем и секретарем. В настоящий момент они заседают в количестве 800 или 900 человек, обсуждая вопрос об объявлении секции в состоянии восстания. К счастью их мнения разделились, они поражены твердостью Конвента. Заседание было открыто мятежной речью некоего Фезалля, который предлагал пригласить для объяснений гражданский Комитет секции. Другой оратор предлагал изменить состав штаба (Национальная гвардия), а третий — послать комиссаров по улицам предместий, чтобы поднять их на восстание. Предложения были одобрены, но четвертый оратор напугал всех, сообщив, что все собравшиеся объявлены Конвентом вне закона»².

Кроме того мы знаем о волнении в секции Гравилье, пытавшейся защитить скрывшегося в ее недрах Леонарда Бурдона. В общем же можно говорить о легко давшейся Конвенту победе.

Чем же объясняется такая легкость победы, одержанной термидорианцами, буквально через несколько часов после начала движения оказавшимися в состоянии расправиться с теми представителями вершины, которых они считали замешанными в организации этого выступления?

Первой причиной является необычайно быстрая мобилизация верных правительству сил. Накануне вечером 12 жерминаля банды золотой молодежи были подготовлены к тому, чтобы мобилизоваться на другой день. Дюваль, один из участников, а пожалуй один из вождей этих банд, рассказывает: «Когда я по своему

обыкновению явился в сад Пале-Рояль вечером 31 марта (11 жерминаля), я нашел там сборище, разделенное на отдельные группы, и заметил, что они были очень оживлены. Два или три народных представителя переходили от группы к группе и убеждали активно действовать тех, кто составлял эти группы. Я сейчас же узнал, что Конвент был извещен самым достоверным образом, что на завтра предполагается серьезная атака против него и что по своему обыкновению он рассчитывает на нашу помощь. Эта помощь была ему обещана. Мы назначили сбор во дворе Лувра в 6 час. утра 1 апреля и предложили тем из нас, кто имел ружья военного или какого-либо другого образца, вооружиться ими; другим было сказано, что они будут снабжены ружьями в возможно большом количестве. Когда эти распоряжения были отданы, представители народа удалились...» На другой день, — продолжает наш представитель золотой молодежи, — «между 6 и 7 час. утра мы оказались собравшимися в большом числе, верные вчерашнему призыву, во дворе Лувра, где были встречены Андре Дюмоном, Тальеном и некоторыми другими депутатами, начавшими рассыпать нам комплименты и произносить речи. Затем мы были ими проведены через набережную в Тюильри, прибыв куда, получили приказ занять посты в королевском дворце»¹.

О мобилизации лучших граждан, тех, из кого состояла национальная гвардия 1789 г. (т. е. ценовая национальная гвардия) говорит и журналист Редерер в «Парижском журнале»².

Но помимо того в руках правительства оказалось страшное оружие — за 12 дней до этого принятый декрет об охране народного представительства. Декрет этот давал Конвенту большие возможности расправы с массовым движением, недаром в свое время он и был заклеен монпаньярами как «новый закон о военном положении»³.

Как только движение началось, зазвонил колокол Павлильона единства, по секциям пробили сбор, и был отдан приказ всем гражданам явиться в свои секции. «Несколько минут спустя после того как женщины вошли в Конвент, — рассказывает нам Дюваль, — раздались звуки «сбора» по всем секциям, и набат зазвучал своими двойными ударами на Павлильоне единства»⁴.

Идущие к Конвенту секции были дезорганизованы уже в пути. Оратор секции Колпака свободы сказал, что секция собиралась идти к Конвенту всей массой, но в пути получила приказ собрать своих граждан под ружьем, и они вернулись, послав

¹ «Moniteur», v. XXIV, p. 109—124.

² Ibidem, p. 135.

¹ Duval, Souvenirs thermidoriens, v. II, p. 128, 130.

² Bucher и Roux, op. cit., t. XXXVI, p. 260.

³ «Moniteur», v. XXIV, p. 36, речь Шалля.

⁴ Duval, Souvenirs thermidoriens, p. 133.

в Конвент лишь делегацию. О том же самом сообщил и оратор секции Бон-Нуviel¹.

Однако перед нами немедленно встает вопрос, чем объясняется такая законопослушность секций. Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо дать оценку жерминальского выступления. В самом деле, что представляло собой это выступление?

В своем месте мы уже говорили о том, что оно являлось одним из звеньев целой цепи не столько направленных против Конвента выступлений, сколько выступлений, имеющих целью оказать на него давление. Все такие выступления были скорее демонстрациями, «вооруженными прогулками», по терминологии Левассера, нежели восстаниями. Люди, организовывавшие эти выступления, — или левые члены вершины, или лица, близкие к ним, — до конца так и не могли остановиться на той или иной форме, в которую должно было вылиться движение. Они не могли остановить своего выбора на демонстрации или на восстании. Для настроения якобинцев характерны строки Левассера, в которых он излагает свои сомнения по поводу назревающего выступления. «Мы не могли высказаться за него, — пишет он в своих мемуарах, — не зная, имеются ли в этом движении элементы подлинного восстания или это было лишь временное недовольство без всякого значения». Эта фраза кажется способна доказать готовность монтаньяров принять участие в подлинном революционном выступлении. Однако несколькими строками ниже Левассер сообщает о принятом ими решении «ждать событий и вмешаться лишь тогда, когда будут верные шансы на успех»².

Еще лучше характеризует нерешительность позиции монтаньяров Кабэ, имеющий очевидно какую-то устную традицию. «Монтаньяры, — пишет он, — подозрительные в глазах конвентского большинства, всегда обвиняемые в конспирации, принужденные защищаться, протестуя и заявляя, что они не конспирируют, очень хотели бы восстания, но боялись слишком себя скомпрометировать»³.

Относясь так к развивающимся событиям, невозможно было решительно и твердо руководить ими, и даже те монтаньяры, которые принимали очевидно участие в подготовке событий, в последний момент, когда события приняли решающий оборот, забили отбой. Во время вторжения толпы народа в Конвент монтаньяры, так же как и председатель Конвента, уговаривали толпу не задерживаться и проходить скорее через зал. Таковы были слова Дюгема и Шудье, обращенные к толпе, таково было

и выступление Гюгэ, старавшегося всеми силами доказать Конвенту, что народ не собирается производить восстание¹.

В своей книге «Термидорская реакция» Альбер Матъез дает хорошую характеристику настроения монтаньяров, объясняющую все их поведение в момент революционного выступления парижской массы. «Монтаньяры, несмотря на искренность своих демократических чувств, несмотря на все, принадлежали к другому классу, чем народная масса. Все они были выходцы из буржуазии, они понимали народ только умом, они не были на равной ноге с рабочими физического труда, от которых их отделяло материальное положение и вкоренившиеся предрассудки»².

Монтаньяры не только не возглавили движение, но они как могли разложили его, сорвали все выступление. И может быть именно их влиянием объясняется в сущности довольно мирный и безобидный характер всего этого движения. Относительно такого его характера мы имеем целый ряд свидетельств современников.

Дюваль говорит, что ворвавшиеся во двор Тюильри женщины были весьма мало враждебны. «В общем, — пишет он, — эта толпа женщин не производила никакой враждебной демонстрации и заявляла, что пришла лишь для того, чтобы представить петицию народным представителям, чтобы те занялись вопросами продовольствия. Им позволили свободно войти, и они беспорядочной толпой проникли внутрь Конвента».

Монтаньяр Карно, бывший очевидцем всех событий, говорит, что «сборища 12 жерминаля были настолько мало угрожающи, что достаточно было для рассеяния их одной прогулки генерала Пишегрю во главе его штаба». О весьма мало грозном характере толп, идущих к Конвенту, свидетельствует и историк Васселэн, по мнению которого «шкета в 50 человек было достаточно для того, чтобы разогнать эту толпу». Приблизительно о том же говорит и Лакретель: «Восстание вылилось в умеренной форме — петиции... Народ собирался медленно, с нерешительностью... Коллеблющийся лес пик был еще очень редким, когда народ уступил нетерпению женщин и своих свирепых вождей...»³.

В общем можно согласиться с оценкой Кабэ, которую он дает поведению монтаньяров жерминальского выступления: «Невозможно было совершить больше ошибок, больше безумств, бессмыслиц и абсурдов, чем совершалась в этих обстоятельствах злочастная демократическая партия... Со всеми своими полумерами народ и Гора сделали слишком мало для того, чтобы иметь успех, и

¹ «Moniteur», v. XXIV, p. 114.

² Mathiez, Réaction thermidorienne.

³ Duval, Souvenirs thermidiens; Carnot. Mémoires, p. 578; Vasselén, Memorial revol., IV, p. 158; Lacrosette, Dix années des épreuves, p. 216.

¹ «Moniteur», v. XXIV, p. 113—114.

² Levasseur, Mémoires, v. IV, p. 209.

³ Cabet, Histoire populaire de la Révolution française, v. IV, p. 195.

слишком много для того, чтобы не навлечь на себя новых бедствий». Мало того, Кабэ все выступление 12 жерминаля называет смехотворным, комическим¹.

Имеются также свидетельства относительно отсутствия в секциях. По крайней мере Дюлор говорит об этом вполне определенно: «Казалось, что в секции обозначилось два направления. Одни говорили с нахальством и угрозами, требуя освобождения заключенных и конституции 1793 г., а другие ограничивались разговорами о продовольствии и приглашали Конвент остаться на своем посту и не созывать первичных собраний, как это было предложено»².

Не этим ли объясняются слова Гастона и Гюгэ, обращенные к ворвавшимся в Конвент народу, которыми эти два монтаньяра как бы подсказывали ему политические лозунги. «Вы ведь хотите хлеба и освобождения заключенных патриотов, не правда ли?» — говорил один. «Они жаждут освобождения своих братьев больше, чем хлеба», — уверял другой³. Во всяком случае выступления делегаций различных секций в Конвенте имели совершенно различный характер. Секции Колпака свободы, Братства, Бон-Ну-вель и Терм выступали иначе, чем секции Кенз-Вен и даже иначе, чем секция Верности⁴.

Наконец необходимо отметить еще одно обстоятельство. Месяцы, протекшие после переворота 9 термидора, не прошли даром для секций, их органы были бюрократизированы и модернизированы. Между ними и секционной массой не было единодушия. Это прекрасно видно из рассказа депутата Огиза (Auguis), посланного Конвентом для ликвидации возникших волнений и подвергнувшегося нападению толпы, оскорблениям и побоям. «На мне порвали одежду, — рассказывал он по своем возвращении Конвенту, — у меня вырвали саблю, и я получил удар пикой в губу и в руку. Слышались ругательства по адресу Конвента и самые оскорбительные выражения... Меня отвели в Революционный комитет, где я нашел граждан, которые проявили величайшее уважение по отношению к Конвенту...»⁵.

Какие цели ставило себе жерминальское выступление? Проведение в жизнь конституции 1793 г., освобождение заключенных патриотов — как выдвинутые требования не подлежат никакому сомнению. Эти два требования могли исходить как от вершины Конвента, так и от широких народных масс, представляемых остатками группировок гебертистов и «бешеных». А что связь всего этого выступления с конвентской вершиной имелась, можно

доказать фразой из речи Ванека: «И ты, священная Гора, которая столько раз сражалась за республику..., мы нуждаемся в тебе в этот момент кризиса».

Старое требование гебертистов и «бешеных», популярное еще 9 месяцев тому назад, требование муниципалитета для Парижа отчетливо звучит в речи оратора депутации 11 жерминаля. Что касается официальной версии о целях восстания, то она была изложена 13 жерминаля Ровером в заседании Конвента. Ровер уверял, что целью восставших было поставить во главе правительства вершину Конвента. Через три дня Бурдон из Уазы так охарактеризовал цели выступления: «Муниципалитет был уже приготовлен, назначили даже нового Анрио для командования вооруженными силами, организовали уже и кровавый трибунал под именем «Высшей национальной курии». Ему должны были предать 60 человек — членов Конвента, из которых мы знаем имена 22»¹.

ПРЕРИАЛЬ

«Шесть недель спустя после смут жерминаля, — пишет Понтекулан (Pentecoulant)², — распространился слух, что готовится новое восстание, более широкое, лучше задуманное, чем первое, и от этого выступления намеревающиеся восстать ожидают полного успеха». Те шесть недель, которые протекли между двумя восстаниями, не были для Парижа неделями спокойствия. Прежде всего продовольственное положение не улучшалось, а напротив продолжало ухудшаться. Недостаток хлеба, сокращение пайка, дороговизна на вольном рынке — все это, равно как и длинные очереди у булочных и мясных, продолжало прогрессировать, и это в свою очередь продолжало нервировать, возмущать, возбуждать широкие массы населения. В особенности сильно волновались женщины.

На другой же день после жерминальского выступления доклад полицейских инспекторов сообщает следующее: «Алчность купцов в настоящий момент превосходит всякие границы, все продукты поднялись в цене, так что за 100 ливров сейчас дают не дороже 10 франков. Ни один гражданин покупать по таким ценам не в силах, нужда растет с каждым днем»³.

Косвенным показателем недостатка продуктов является следующее характерное место полицейского доклада: «Необходимо принять меры против бродячих бешеных собак. Многие граждане,

¹ Cabé, Histoire populaire de la Révolution française, v. IV, p. 202.

² Dulaure, Esquisses historiques, v. V, p. 95.

³ «Moniteur», v. XXIV, p. 111—112.

⁴ Ibidem, v. XXIV, p. 113—114.

⁵ Ibidem, p. 119.

¹ «Moniteur», v. XXIV, p. 135, 155.

² Pontecoulant, Souvenir historique, p. 351.

³ Aulard, Paris pendant la réaction, p. 636.

не имея возможности кормить своих собак и не будучи в состоянии их убить, заводят их и бросают. Высказывается опасение, как бы некоторые из этих брошенных собак, не имеющих ни хозяев, ни присмотра, не взбесились бы, не причинили бы несчастий, в особенности в связи с приближением жары»¹. А еще через несколько дней полицейский рапорт рассказывает нам, что в секциях Сент-антуанского предместья было выдано на каждого человека всего по четверке хлеба, бисквитов или риса и это оказалось причиной большого ропота, поэтому многие граждане и гражданки направились в гражданский комитет секции Неделюности для того, чтобы вынудить его членов выдать большие порции. «В секции Прав человека многие граждане совсем не получили хлеба. Взамен им хотели дать рис, но они от него отказались, говоря, что сидят без хлеба уже несколько дней и что не имеют топлива для варки риса»². Что касается дороговизны на частном рынке, то мы имеем указания на следующие цены: 24 жерминаля масло продавалось по 14 ливров 60 су за фунт, картофель — 10 ливров за буассо. «Двое рабочих, выпивши бутылку вина и съевши без хлеба дюжину яиц, за которую они заплатили 4 ливра и 10 су, заявили, что теперь, зарабатывая 10 и 12 ливров в день, они менее счастливы, чем были тогда, когда получали всего 30 су»³.

Нет ничего удивительного в том, что газета «Вечерний вестник» сообщает о большом количестве рабочих и женщин, собирающихся у ворот Святого Мартина в конце улицы Арси, на набережной и на площади Грэв. В этих сборищах говорят об общем недостатке продуктов, здесь раздаются громкие крики по поводу дороговизны и недостатка продовольствия, здесь обвиняют купцов в соглашении с правительством и строят самые злобные проекты. «Эти собрания, — по словам газеты — повсеместные и многочисленные, выявляют большое брожение умов и беспокоят массу честных граждан. Женщины ставят в вину мужчинам их трусость и вызывают их проявить себя наконец, если они не желают умирать с голоду. Они обыкновенно перечисляют все продукты и сравнивают их высокие цены с теми, по которым эти продукты продавались при существовании максимума»⁴.

В начале флореаля казалось беспорядки вот-вот вспыхнут. «Собрания у булочных, — рассказывает нам полицейский отчет от 2-го числа, — очень бурны и длятся всю ночь; женщины выкрикивают оскорбительные и обидные слова против Конвента и против комиссаров секций. Некоторые из них отправились на улицу Онорэ к Комитету общественного спасения и продоволь-

ственному управлению, заявляя, что они не хотят получать четверку хлеба, которую им предлагают, что необходимо по меньшей мере полфунта. Всю дорогу они угрожали тем, кто, как им казалось, хотел получить эту маленькую порцию...»¹.

Еще через день полицейский отчет говорит, что волнения были сильнее, чем накануне: «Многие женщины, имеющие целью лишь вызвать беспорядки, перебегают от одного сборища к другому и побуждают других женщин идти всей массой к продовольственному управлению и в Комитет общественного спасения. Они громко убеждают других отказываться от получения предложенной им порции хлеба как слишком жалкой. Они стараются увлечь за собою этих более спокойных... Они принуждают комиссаров по распределению стать во главе их толп...»². Правительство отлично знает, что такие голодные выступления быстро перерастут в движение политическое. События, происшедшие за месяц до этого, хорошо доказали эту простую истину. И правительство теперь принимает свои меры. Во-первых, решено было лишить оружия массу населения. Разоружение началось немедленно после 12 жерминаля³.

Во-вторых, 28 жерминаля Конвент принимает декрет о реорганизации национальной гвардии. Создаются воинские части из зажиточных людей, могущих вооружиться на свой счет. Соответствующая статья вызвала жестокие нападки представителей вершины. «Республиканские убеждения создаются не элегантною внешностью, — я вижу в этой статье повод к зависти и разделению граждан», — говорит Гастон, и его поддерживают одобрения части трибун. Однако декрет проходит в предложенном правительством виде⁴.

Но и этого правительству недостаточно, оно под предлогом обеспечения прибытия в столицу продовольствия отменяет запрещение приближаться войскам к столице ближе чем на 10 лье. По докладу Обри того же 28 жерминаля Конвентом принимается следующий краткий декрет: «Конвент поручает своему Комитету общественного спасения разрешить войскам, которые он сочтет необходимыми для прибытия продовольствия, передвижение в районе, отстоящем менее 10 лье от Парижа»⁵.

Население прекрасно понимает смысл обоих конвентских постановлений: они оба вызывают большое недовольство. Полицейские рапорты сообщают: «По вопросу о новой системе национальной гвардии жалуются на то, что эта мера создает некое нера-

¹ Aulard, op. cit., p. 6.

² Ibidem, p. 677.

Dieu donné, Préliminaires et causes de journées de prérial, «Revue française», v. 43, p. 506.

⁴ «Moniteur», v. XXIV, p. 242.

⁵ «Moniteur», v. XXIV, p. 2.

¹ Aulard, Paris pendant la réaction, p. 640.

² Ibidem, p. 644.

³ Ibidem, p. 658.

⁴ Газета «Messager du Soir», цит. у Aulard'a (Paris pendant la réaction)

венство благодаря невозможности для большинства нести издержки по экипировке... Они видят с горечью, что только богатые люди будут иметь честь носить оружие, а что они сами окажутся лишенными этой чести»¹.

По этим причинам дело с организацией этой новой гвардии шло весьма медленно. «В секции Единства, — узнаем мы из того же источника — полицейского доклада, — 6 рот были созданы для записывания в новую гвардию, но явившийся туда полицейский агент нашел лишь одну четверть граждан, а в разговорах, подслушанных им, одни высказывали требование о выдаче хлеба, а другие заявляли, что они свою гвардию создали с начала революции и что поэтому будут продолжать служить так, как они служили раньше, третьи утверждали, что у них нет тысячи франков на обмундирование...» Один из полицейских инспекторов слышал разговоры о том, что вновь организованная гвардия то же самое, что прежняя гвардия маркиза Лафайета, что она будет состоять лишь из солдат Фрерона и что этого нельзя потерпеть»².

Что касается прибытия в Париж линейных войск, то опять-таки из тех же полицейских докладов мы узнаем, что в некоторых местах жалуются на наполнение окрестностей столицы войсками. «Граждане, имеющие без сомнения дурные намерения, распространяют в группах с большой аффектацией мнение, что эта предосторожность является такой же, какую приняло монархическое правительство перед 14 июля 1789 г.»³. Немного позднее мы узнаем, что граждане «говорили по поводу прибытия регулярных войск и выражали изумление и недовольство относительно того, что солдаты, составляющие эти войска, не носят трехцветной кокарды, помимо того и мотивы прибытия этих войск вызывают беспокойство»⁴. Несмотря на это выражаемое гражданами недовольство количество войск продолжает расти в течение всего месяца; войска, стоящие в окружающих Париж городках, стягиваются в столицу⁵.

Правительство не уверено в войсках, стоящих в Париже, оно желает их заменить солдатами менее распропагандированными. Эвзебий Сальверт, автор «Первых дней прерриала», пишет по этому поводу: «День ото дня настроение войск ухудшалось, пребывание в столице, слишком затянувшееся, его изменило к худшему»⁶. Когда эти войска вынуждены были выступить из Па-

¹ Aulard, op. cit., p. 671.

² Ibidem, p. 676.

³ Ibidem, p. 684.

⁴ Ibidem, p. 692.

⁵ См. Dieudonné, здесь использованы многочисленные документы из военного архива.

⁶ Salvert, Les premiers jours de prérrial, p. 62.

рижа, они уходили очень недовольными и озлобленными. Солдаты говорили, что их уведут из Парижа лишь потому, что они «патриоты и стоят за народ». «Мы уходим лишь в окрестности Парижа, — говорили будто бы солдаты, — и при малейшей вспышке рассчитывайте на нас»¹.

Очевидно среди выведенных из Парижа специальных частей — жандармов и карабинеров — велась соответствующая агитация, следы которой сохранились в малодоступном историческом архиве военного министерства. Несомненно именно таким следом этой агитации является интересная листовка, озаглавленная: «Народ санкюотов Парижа — к полицейскому легиону» (т. е. жандармам). «Великодушные братья, — пишут в своей листовке санкюоты Парижа, — ваш сигнал услышан, ваши поступки одобряются, и ваше твердое решение нам очень приятно. Разве сейчас, когда мы являемся объектом всеобщего угнетения, свобода укреплена? Народ же готов к выступлению. Вы встали на сторону народа, вы протестуете вместе с ним против всех покушений угнетателей, вы, видя осуществляющую подготовку к убийствам, доказали, что не хотите быть в числе палачей народа. Париж, осажденный, угрожаемый быть затопленным кровью и преданным огню за то, что он жалуется, что его вместе со всей республикой морят голодом, унижают, грабят, наконец, Париж, находящийся под игом кучки грубых узурпаторов, становится для вас объектом симпатии и живого интереса.

Дорогие товарищи, от вас самих зависит спасти себя и покрыть славой. Ваши друзья, ваши братья, ваши супруги, ваши родители умоляют вас, чтобы вы не покинули их в момент той резни, которая замышляется в этих стенах. Вы уже слышали правду относительно наших братьев, запертых в Саблонском лагере. Ваш пример убедит их окончательно. Обратимся же с призывом к этим храбрецам, и они тотчас же придут к нам. Что же касается народа, то я повторяю: он готов. Его вожди скоро подадут ему сигнал. Он его ждет и он находится с вами. Тогда тираны рассеются, свобода возродится, изобилие и счастье восстановятся, республика восторжествует повсюду, и будут приняты меры к тому, чтобы она никогда не погибла»².

Упомянутые в прокламации войска, запертые в Саблонском лагере, по словам Дьедонэ, автора статьи, из которой мы заимствовали только что приведенную листовку, — были там интернированы во избежание их сношений с народом, вследствие боязни зловредной агитации.

Только что указанное обстоятельство свидетельствует о том, что с момента подавления жерминальского выступления рево-

¹ «Messager du soir», цит. у Aulard'a, op. cit., p. 513, 532.

² Dieudonné, Préliminaires et causes, p. 514—515; документ взят из военного архива.

люционная агитация и пропаганда не прекращаются. Напротив они растут. Правда, относительно клубов и народных обществ мы теперь слышим мало¹. Очевидно агитация и пропаганда уходят в глубокое подполье. 29 жерминаля в Конвенте делают доклад о некоторых результатах этой подпольной работы революционных сил — в этот день сообщается о так называемом заговоре «Красных лиц»... Однако раньше скажем два слова о настроении парижской массы. Поскольку продовольственное положение ухудшалось, обострялось и политическое положение. «Женщины, — говорит доклад от 7 флореаля, — играют теперь главную роль. Большое число их хочет броситься в восстание и большая часть решила, кажется, напасть на конституционные власти, именно на правительственные комитеты, и это несомненно будет иметь место, если не помешает этому благоразумие и стойкость вооруженных сил»².

10 флореаля секция Монтрейль объявляет себя непрерывно заседающей, для того чтобы обсуждать вопросы продовольствия; она решает запросить другие секции, для чего посылает депутацию к собраниям этих секций³. На другой день происходят беспорядки в секции Колпака свободы. Толпа женщин окружает секционный комитет, другая отправляется к продовольственному управлению и здесь производит большой беспорядок. В нескольких секциях пробили сбор, военные силы были направлены в места сборищ⁴.

Насколько движение было серьезно, видно из того, что пришлось созвать чрезвычайное заседание Конвента; на котором представитель Комитета безопасности Изабо сообщил о возникшем в секции Колпака свободы мятеже; Огиз доложил о вооруженных силах из двух населенных жакеточными людьми секций — Гренельского фонтана и Мельничного холма, равно как и о регулярных войсках, двинутых в секцию Колпака свободы⁵.

В последний же день жерминаля Ровер выступил в Конвенте с сообщением о только что раскрытом заговоре. Позднее, 8 флореаля, эти сообщения были дополнены и детализированы тем же Ровером. В настоящий момент при настоящих условиях является весьма трудным выяснить вопрос о том, что в действительности представлял собой этот заговор. Сообщение Ровера изобиловало сенсационными и романтическими деталями.

Заключенные в тюрьме Плесси за участие в жерминальском движении Грепен и Орзер (Grépin и Orsère) получили спрятанную в передаче записку; в ней сообщалось, что через несколько дней произойдет восстание, которое освободит заключенных. Сигналом

восстания будут служить присланные заключенным в передаче лица, окрашенные наполовину в красный цвет. Число лиц точно укажет момент восстания. Заключенным рекомендовалось «спать одетыми. Условным знаком участников восстания была восьмиугольная картонка с надписью «Да здравствует Гора!». Такие картонки раздавались якобы в саду Равенства одним молодым офицером, и одна из них как вещественное доказательство была продемонстрирована Ровером перед глазами членов Конвента.

Повстанцы должны были организовать несколько отрядов, причем для каждого были поставлены определенные цели. Один должен был направиться в Бурб, другой в Плесси, третий в Антуанское предместье, для того чтобы овладеть арсеналом. Отряд из предместья Сен-Жермен должен был захватить Комитет общественного спасения, отряд из предместья Сен-Мартен — Комитет безопасности. Лозунгом восстания было проведение в жизнь конституции 1793 г. При этом предполагалось арестовать 63 депутата, поставив их вне закона, отправить в ссылку Тальена и Фрерона, арестовать Барраса, Дюбуа-Крансе, Ровера, Лежандра.

Сбор, пробитый в предместьях, должен был поднять народ, три пушечных выстрела должны были служить сигналом к выступлению. Три депутата Конвента, в том числе Монто (Montau), должны были стать во главе восстания, высланные депутаты Колло-д'Эрбуа, Барер и Билло-Варен должны были быть возвращены из ссылки.

Восставшие предполагали захватить телеграф и разослать экстренных курьеров в армии и департаменты. При помощи жандармского квартирмейстера Данжо (Danjau) они должны были узнать пароль и послать по городу свои патрули. В качестве вождей восстания были названы Парреен (Parrein), член временной комиссии в Лионе и генерал во время вандейской войны, Шевалье (Chevalier), инженер, занятый изготовлением зажигательных снарядов. Комитет заговора находился в доме некоего Лягреле (Lagrellet) на улице Бретань, а также у Франсуа (François), торговца вином с улицы Дю-Пар. Упомянутые выше Шевалье и Данжо служили для связи между различными комитетами.

Из других участников восстания были названы уже известный нам Копери или Котери из секции Кенз-Вен, Буайер (Boyer), бывший член комитета секции Попенкур, Давио (Daviau), член народного общества в Рошфоре, и Жан Паон (Paon).

Заслушав доклад о заговоре, Конвент 29 жерминаля постановил арестовать депутата-маратиста Монто, а 8 флореаля «поручил общественному обвинителю Парижского уголовного трибунала начать преследование организаторов и участников заговора 29 жерминаля»¹.

¹ Dieudonné, *Préliminaires et causes*, p. 519.

² Aulard, *op. cit.*, p. 683.

³ «Moniteur», v. XXIV, p. 345—347.

⁴ «Courrier républicain», цит. у Олара, *ук. соч.*, с. 695.

⁵ «Moniteur», v. XXIV, p. 356.

¹ «Moniteur», v. XXIV, p. 258—259, 326—327.

Как бы ни казались романтическими детали доложенного Конвенту заговора, точность этих деталей, указание на имена участников указывают на реальность этого заговора. В качестве такового он представляет чрезвычайно большой интерес. Интерес этот заключается конечно не в романтизме его деталей, а в том, что он представляет собою новый этап в развитии революционного движения.

Очевидно неудачный опыт полувосстания, полудемонстрации, произведенной 12 жерминаля, теперь был учтен. В результате была создана конспиративная повстанческая организация для вооруженного выступления массового характера. Атака на правительственные комитеты — это уже не демонстрация с целью произвести давление на Конвент, а настоящий государственный переворот, совершаемый при помощи оружия. Этот заговор стоит как бы на грани двух эпох, в нем черты нового переплетаются со старым. Так, обращает на себя внимание лозунг «Да здравствует Гора». Этот лозунг как бы повторяет обращение к Горе, имевшееся в речи Ванэка, произнесенной им 12 жерминаля. Очевидно организаторы заговора все еще надеются на Гору и делают ее символом объединения заговорщиков.

Левые представители вершины (если верить сообщениям об участии маратиста Монто в заговоре) принимают в нем такое же участие, какое принимали представители левой — Дюгем, Шаль, Л. Бурдон в выступлении 12 жерминаля.

Один из вождей заговора — Кошери, видный деятель жерминальского движения. Однако вся организация восстания, его тактика — новые. Как мы уже сказали, заговор создавал конспиративную организацию в целях вооруженного выступления и здесь, через этот заговор идут нити не только к прериалу, но очевидно и к заговору Бабефа. И даже с последним заговор 29 жерминаля связан больше, чем с более близким к нему по времени прериальским выступлением. Позднее мы увидим, что в этом последнем было много общего с жерминальским выступлением, хотя были и различия. Между заговором же 29 жерминаля и выступлениями 1 прериала и 12 жерминаля больше различий, нежели сходства. Основное различие заключается в самом характере выступлений. Как мы увидим ниже, прериаль, по крайней мере 1-го числа, представлял собою все ту же вооруженную демонстрацию, заговор же 29 жерминаля ставил вопрос о перевороте.

Если жерминаль не был стихийным голодным бунтом, то прериаль не был им и подавно. Параллельно с рассказом о выступлениях чисто продовольственного характера мы стараемся приводить данные о выступлениях политических. Но что касается заговора 29 жерминаля, в нем мы не найдем никаких следов продовольственных беспорядков. 1 прериала, как впрочем и 12 жерминаля, объединил в себе обе струи движения, зато

в другом отношении выступление 1 прериала представляло значительную разницу как сравнительно с 12 жерминалем, так и с заговором 29 жерминаля — это различие заключается в их отношении к конвентской вершине. Но об этом будет сказано ниже, теперь же перейдем к рассмотрению событий, подготовляющих прериальский взрыв.

II

Прежде всего около середины флореаля можно говорить о наступлении некоторого успокоения среди населения¹. Но успокоение это длилось недолго. Уже 17 флореаля распределение хлеба сопровождалось значительными затруднениями, на улицах и в группах многие жаловались на продолжающийся недостаток продуктов, на ложные обещания улучшения положения. «Единодушно сообщают, — рассказывает полицейский доклад, — что умы очень возбуждены и что женщины произносят самые резкие и мятежные речи... В гневе не падят самого Конвента, правительственные комитеты и комиссии продовольствия». Близ Нового моста пришлось арестовать женщину, говорившую: «Необходимо всей массой двинуться против Конвента, этого очага всех преступлений»². Доклад следующего дня говорит о еще более заметной агитации и о более громких жалобах. Он же сообщает о глухих угрозах агитаторов, злоумышленников и других людей, враждебных обществу благу, о волнении и ропоте неимущего класса против комиссии продовольствия и правительства, об обвинениях и угрозах против тех людей, которых называют богатыми, против спекулянтов, купцов и земледельцев. На стенах улицы Бо-консейль была обнаружена афиша, содержащая угрожающее обращение к Конвенту³.

Еще через день доклад рассказывает о женщинах, подобно фуриям подстрекающих мужчин к мятежу и к грабегам, изрыгающих ругательства и говорящих: «Необходимо отомстить всем этим негодьям, обманывающим нас столько времени. Лучше умереть, сражаясь, чем погибать таким образом». В другом месте полицейскому агенту удалось подслушать разговоры вроде следующих: «Мы слишком глупы, мы погибнем, не произнеся ни слова, ибо нам навязалось на шею наше правительство». Согласно сообщению другого агента: «публика непрерывно кричит против Конвента». По сообщению газеты «Вечерний вестник» на улицах ведется агитация вроде следующей: «Пора нам подняться всей массой, если только мы не хотим быть перебитыми и умереть

¹ Aulard, Paris pendant la réaction, p. 697, 98, 700.

² Ibidem, p. 703, 704.

³ Ibidem, p. 705, 706.

с голоду... Необходимо, чтобы рабочие проявили себя, выступив против купцов, скушников и эгоистов»¹.

За шесть дней до прерияльского выступления полицейские рапорты еще выражают надежду, что «народ, всегда терпеливый и покорный, будет уважать закон и законодателей», однако, с другой стороны, здесь же мы читаем о том, что «волнения растут со дня на день и наступил такой момент, что большая часть населения охвачена как будто каким-то опеченением и тупостью, ибо будущее ему не сулит никаких надежд»².

И наконец накануне 1 прерияля доклад сообщает, что «умы кажутся сильно возбужденными, со всех сторон слышен сильный ропот, вызываемый нуждой, ругательства против представителей народа и угрозы отправиться немедленно в Конвенту». На почве недостатка продовольствия разразились беспорядки в секции Мучия Сцеволы. В секции Инвалидов рабочие хотели объединиться с рабочими Ангуанского предместья и вели разговоры о необходимости рано или поздно положить конец всем несчастьям³.

Подобно тому как накануне жерминаля Конвент принял декрет против покушений на национальное представительство, теперь принимается декрет, говорящий о преступлениях участниках тирании, существовавшей до 9 термидора, и об оскорбителях национального представительства. Статья 5-я этого декрета поручала Комитету законодательства разработать закон против клеветников на народное представительство⁴.

Но, подобно тому как «сизова обедня» не спасла в свое время Конвент от выступления 12 жерминаля, так и этот закон не помог против назревавшего прерияльского мятежа.

III

«Париж вечером 30 флореаля представлял собой зрелище, вызывавшее большое беспокойство, — пишет Дюлор. — Жалобы, угрозы, злобные клеветы против Конвента раздавались во всех кварталах, по всем улицам... Повсюду видны были группы людей, в особенности женщин, не скрывавших своих намерений: «Надо, — говорили они, — напасть на Конвент, который слишком долго морит народ голодом, который низверг Робеспьера лишь для того, чтобы завладеть властью и тиранить народ»⁵.

Кабэ сообщает, что был создан Комитет восстания на улице Монтергейль (Montergeuil). О Комитете восстания говорит и Тьер, но дает другое название улицы, на которой этот комитет поме-

щался. По Тьеру это была улица Моконсейль (Maconceuil), находившаяся между Сен-Дени и Монмартром¹. Комитет этот состоял из прежних членов революционных комитетов и различных личностей такого же рода, почти совершенно неизвестных в пределах своего квартала»². Кабэ тоже говорит, что он не включал в себя кого-либо из крупных, известных деятелей революции. «Этот комитет, — пишет Кабэ, — не имел для руководства и поддержки ни Робеспьера, ни якобинцев»³.

Эти указания на существование Комитета восстания имеют очень большое значение. Они разрушают легенду о стихийности и полной неорганизованности выступления. Легенда эта впрочем разрушается и другим не менее важным, но более достоверным фактом, именно существовавшим планом восстания. Этот важный документ оказался 30 флореаля расклеенным по стенам предместий, на другой день он же был зачитан с высоты конвентской трибуны и дошел до нас в протоколе конвентского заседания 1 прерияля. Документ этот носит название «Восстание народа для получения хлеба и для обратного завоевания своих прав».

С первых строк акт восстания весьма решительно заявляет, что «узурпаторское и тираническое правительство основывает все свои преступные надежды и всю свою силу лишь на слабости, несознательности и бедности народа». «Такое жестокое правительство, по словам акта восстания, может существовать лишь постольку, поскольку существует болезнь и слабость подчиняться ему».

«Восстание для народа и для каждой группы угнетенного народа является священным долгом, непреложной обязанностью и делом самой первой необходимости». Исходя из этих соображений, авторы акта восстания объявляют, что граждане и гражданки массой отправятся в Конвент, чтобы требовать хлеба, уничтожения революционного правительства, используемого каждой партией для того, чтобы морить народ голодом и его поработать, немедленного провозглашения демократической конституции 1793 г., низложения теперешнего правительства и его замены людьми из числа членов Конвента, ареста членов теперешних комитетов, немедленного освобождения заключенных за требование хлеба и за свободное высказывание своих мыслей... Далее акт восстания предьявлял требования о созыве первичных собраний 25 прерияля и о созыве нового собрания 25 мессидора.

Для выполнения этой предначертанной актом восстания программы намечались следующие мероприятия. Собственность и личность будут поставлены под защиту народа. Те представители

¹ Aulard, Paris pendant la réaction, p. 714, 716.

² Ibidem, p. 719.

³ Ibidem, p. 730—732.

⁴ «Moniteur», v. XXIV, p. 362.

⁵ Dulaure, Esquises historiques, v. V, p. 135.

¹ Cabet, Histoire populaire, v. IV, p. 217; Thiers, op. cit., v. III, p. 241.

² Тьер, ук. соч., т. III, с. 241.

³ Cabet, op. cit., p. 217.

народа, которые не будут находиться на своем посту, одетые или в официальные костюмы или как-либо иначе, должны немедленно явиться в Конвент и находиться там под защитой народа. Народ должен овладеть заставами, рекой, телеграфом, сигнальной пушкой, колоколами для набатного звона, барабанами национальной гвардии, для того чтобы всего этого никто кроме него не мог использовать. Входить в Париж и выходить из него в течение всего времени, пока будет длиться восстание, будет разрешено лишь лицам, занимающимся снабжением народа. Этим лицам будут выданы удостоверения специальным комитетом, состоящим из комиссаров, назначенных каждой секцией. Комитет будет нести ответственность за выданное им свидетельство. Всякий продовольственник, находящийся вне Парижа, должен уведомить о себе, прибывши к заставе и при входе и при выходе из города. Курьерам разрешено будет въехать, но не будет разрешаться покидать Париж до окончания восстания.

Канониры, жандармерия, пешие и конные войска, находящиеся в Париже, приглашаются собраться под знаменами народа, соединившись с ним братскими узами для завоевания общих прав. Все агенты правительства, все военные и гражданские чиновники, все частные лица, которые попытаются воспротивиться мероприятиям, изложенным в акте восстания, будут рассматриваться как враги народа и караться как таковые. Все власти, не исходящие от народа, упраздняются, все агенты и чиновники правительства, которые не откажутся немедленно от выполнения своих функций, будут рассматриваться как соучастники тирании и называться как тираны.

Всякий, предложивший выступить против народа или оскорбивший его каким-либо путем весь в массе или в лице отдельных его представителей, будет рассматриваться как враг свободы и как таковой будет караться. Граждане и гражданки всех секций без различия отправляются со всех пунктов в братском беспорядке, не ожидая выступлений соседних секций, для того чтобы предательское и хитрое правительство не смогло, по своему обыкновению обуздавши народ, вести его как стадо при помощи предательских, лишь обманывающих народ вождей. «Народ, — заявлял акт восстания, — не успокоится до тех пор, пока не будет уверен, что получит продовольствие и обеспечит счастье и свободу всем французам».

Лозунгом восстания является требование — хлеба и демократической конституции 1793 г. Всякий, кто во время восстания не будет носить на своей шапке этого мелом написанного лозунга, будет рассматриваться как организатор общественного голода и враг свободы. Все знамена, плакаты, значки, которые появятся, будут носить тот же самый лозунг. Все другие символы и лозунги категорически запрещаются.

Для того чтобы поставить в известность провинцию и армию о мотивах, результатах переворота и средствах, обеспечивающих национальное благоденствие, будет написан специальный адрес¹.

Такова была программа и тактика прерияльского выступления, как она изложена в акте восстания. В книге Кабэ мы находим указание на то, что целью восстания было «восстановление революционных законов и именно максимума»².

Левассер тоже говорит о том, что в намерения восставших входило «восстановление максимума на зерно». Кроме того он упоминает о намерении распределить съестные припасы среди народа³.

В первых своих строках акт восстания говорит о необходимости добиваться революционного правительства, и это требование не включает в себе никакого противоречия по отношению к мероприятиям, восстанавливающим революционные меры. Парижские массы за время господства термидорианцев получили значительный опыт и теперь желали уничтожения той формы правления, которая обеспечивала этим термидорианцам господство, и в то же время хотели восстановления тех мероприятий, которые были термидорианцами уничтожены. Вообще же требование об уничтожении революционного правительства имело почти годовую традицию и шло из смешанных гебертистско-бешеных группировок, выступавших в свое время, осенью 1794 г., против сохранения революционного правительства. Что касается лозунга конституции 1793 г., то и он почти за два года до этого выдвигался «бешеными» осенью 1793 г. Что касается характера самого выступления, как оно рисуется в акте восстания, то по своей тактике оно попрежнему является скорее вооруженной демонстрацией, а не прямым вооруженным выступлением для захвата власти. Причем бросается в глаза противоречие между статьей, требующей переизбрания Конвента, и статьями, гарантирующими полное уважение народному представительству, а также требующими замены правительства новыми лицами из состава того же Конвента.

Если рассмотреть план восстания, не касаясь пока реального осуществления этого плана, можно попытаться ответить на вопрос, являлся ли прерияль шагом вперед по сравнению с жерминалем. Несомненно авторами плана восстания был учтен опыт жерминальского выступления. Так использование правительством военных сил для своей защиты заставило авторов плана включить в него пункт, приглашающий войска присоединиться к восставшему народу. О том, что среди войск велась соответ-

¹ «Moniteur», v. XXIV, p. 597—598.

² Cabet, Histoire populaire, v. IV, p. 217.

³ Levasseur, Mémoires, v. IV, p. 239.

ствующая агитация перед прериялем, говорилось выше. Во избежание всяких попыток обвинения восставших в подстрекательстве к грабежам гарантировалась полная неприкосновенность собственности. Впрочем такой акт не являлся новостью, ибо еще в ночь на 31 мая 1793 г. в якобинском клубе была дана клятва уважать собственность.

Чрезвычайно интересны намечаемые практические мероприятия более мелкого характера. Все они указывают на очень вдумчивую и детальную разработку плана: таковы указания на необходимость овладения сигнальными пушками, заставами, барабанами национальной гвардии и т. д. Бросается в глаза нарочитая забота о продовольствии, и это обстоятельство сближает план восстания с планом бабефовского выступления, имевшего место примерно через год.

Кроме обвинения в грабежах, восставшие обычно обвинялись в роялизме. Во избежание всякой возможности как такого обвинения, так и провокационных, монархических выступлений, акт восстания точно фиксировал лозунг всего движения, строжайше запретив всякие другие лозунги и символы.

Наконец чрезвычайно любопытна статья, рекомендующая секциям выступать в братском беспорядке. Она несомненно имеет очень глубокий смысл и весьма большое значение: она может быть направлена, во-первых, против секционных властей, оказавшихся в жерминале слишком послушными зову правительства, а во-вторых, и против людей, вышедших из конвентской вершины и дезорганизовавших своей робостью, преклонением перед легальностью и нерешительностью жерминальское выступление. Впрочем по этому вопросу будет сказано ниже.

Очевидно идеи подобного выступления, как оно обрисовано актом прерияльского восстания, носились в то время в воздухе, во всяком случае за несколько месяцев до прерияльского выступления в № 32 «Народного трибуна», издаваемого Бабефом, была изложена программа выступления, сходная с проектируемым планом восстания. Любопытно в этом отношении указание Левассера, который в своих мемуарах пишет, что 1 прерияля предместья «были возбуждены прокламацией (очевидно планом восстания) и газетой Бабефа»¹. Очевидно здесь речь идет о № 32 газеты Бабефа, о ее последнем номере, вышедшем 13 плювиоза, так как № 33 ее уже не увидел света, будучи захвачен полицейскими агентами правительства, «инквизиторами», как выражается сам Бабеф»².

¹ Levasseur, Mémoires, v. IV, p. 238.

² «Tribune de peuple» № 34, p. 1. На то, что бабефова газета указана Левассером как один из документов, возбудивших народное волнение, обратил внимание П. П. Щеголев в своей статье «Брут Манье», «Проблемы марксизма», т. II, с. 158.

В этом номере своей газеты Бабеф писал, что «проповедует восстание против кучки нарушителей прав народа», причем восстание проповедуется им в силу Декларации прав человека и гражданина¹.

Однако еще большее сходство имеется между прерияльским планом восстания и планом, вышедшим из-под пера одного военного, сидевшего в это время в тюрьме в Ренне, — Брута Манье. Сходство это было настолько разительно, что сам Брут Манье, по плохо объяснимым причинам, скорее всего вследствие нервной экзальтации и желания потерпеть мученичество за революционную идею, приписал себе авторство прерияльского плана восстания.

Брут Манье в нарочито оскорбительном, наполненном различными ругательствами письме, адресованном членам комитета, писал: «Я имею благородную гордость сказать вам, что нет другого француза, который более меня заслуживал бы часть под вашими ударами, ибо я представил в повстанческий комитет план пробуждения народа, которому и следовали до последней точки»².

Брут Манье, сидя в заключении в Реннской тюрьме, скуки ради, на предмет развлечения себя и своих товарищей по камере, издавал рукописный журнал «Демокрит». Начиная с № 1 этого журнала, он помещает в нем план будущего восстания народа. «Мнение Демокрита по поводу восстания, долженствующего быть произведенным для спасения отечества» — таково витиеватое название этого плана. В нем Манье заявляет, что он подобно Бабефу полагает, что «должно произойти восстание, поскольку правительство нарушает права народа».

«Скорей, скорей проведите в жизнь конституцию 1793 г.!» — восклицает он. «Вас лишили, — читаем мы в № 6 «Демокрита», — различных пунктов объединения — якобинцев, кордельеров, коммуны, но вам остается лучший из всех таких пунктов — Национальный конвент. Прекрасно. Победители Бастилии, являйтесь вооруженными вашими пушками, наполните сады и дворы, окружите комитеты и думайте о том, что вы должны спасти отечество». «Покажите депутатам, — читаем мы далее, — хартию прав человека и конституционный акт, и они поблднеют... Народ, пробуждайся — таков должен быть твой лозунг». Брут Манье высказывал желание, чтобы представитель вершины Конвента, одетый в красный колпак, прочитал с наполненной народом трибуны акт восстания...

Акт восстания содержал в себе следующие статьи: «Проведение в жизнь конституции 1793 г., обновление членов комитета,

¹ «Tribune de peuple» № 32, p. 335—336.

² Claretie, Les derniers montagnards, p. 251.

немедленный созыв избирательных собраний, восстановление революционных комитетов, освобождение заключенных патриотов, отмена амнистии, дарованной вандейцам»¹.

План восстания Брута Манье действительно представляет значительное сходство с планом восстания 1 прериаля. Сходство заключается прежде всего в том, что оба документа говорят о выступлении одного и того же характера: они оба имеют в виду организацию мирного восстания, т. е. вооруженной демонстрации, все той же «вооруженной прогулки», о которой говорил Левассер. Но сходство это является только общим сходством, детали обоих документов различны. Так, если Брут Манье специально говорит о революционных комитетах и об отмене вандейской амнистии (здесь конечно сказывается участие вандейской войны), то парижский план по этим вопросам хранит полное молчание. Манье желает, чтобы его план был зачитан представителем конвентской верхушки, в парижском плане мы не имеем никаких упоминаний о монтаньярах Конвента, и это по нашему мнению является не случайным, но об этом мы выскажемся ниже. Что же касается общей картины выступления, то она действительно совпадает с тем, что произошло 1 прериаля в Париже, но это явление может быть объяснено известной, идущей от выступления 31 мая, служившего образцом, традицией, согласно которой происходили все дальнейшие выступления. В общем нам кажется, что Брут Манье не был автором того плана восстания, который в бурный день 1 прериаля зачитывался с конвентской трибуны. Будет правильнее предположить общую распространенность идеи такого мирного восстания, идеи, которая почти одновременно была высказана и Бабефом, и Брутом Манье, и авторами парижского плана восстания².

IV

Мы теперь знаем план подготовляемого выступления. Как же этот план был осуществлен? Поскольку центром действия первого дня выступления, да и второго, был Конвент, постольку мы в смысле источника оказываемся в затруднительном положении. Протокол заседания 1 прериаля, будучи главным обвинительным актом против монтаньяров Конвента, был фальсифицирован в

предельном духе¹, большинство же мемуаров и исторических работ использовало этот же протокол.

В ночь с 30 флореаля на 1 прериаля раздался барабанный бой в предместьях, и зазвучал набат. Сигнал к сбору был прозвучан в Сент-антуанском предместье и в предместье Сен-Марсо. Многочисленные сборища имели здесь место... 30 тыс. людей из предместья Сент-Антуан и Сен-Марсо двинулись на Конвент — так рассказывает Дюваль о начале выступления². Лакретель тоже рассказывает более чем о 30 тыс. человек, двинувшихся против Конвента. «Сент-антуанское предместье, — пишет он, — которое столь часто решало судьбу Франции, было местом сбора всех мятежников... В роковой день 31 мая сборища были менее многочисленны и в особенности менее одушевлены яростью»³.

«Вся ночь с 30-го на 1-е прошла в агитации, — говорит Тьер. — На другой день с рассветом волнение было всеобщим в предместьях Сент-Антуан, Сен-Марсо, в квартале Тампль, на улице Сен-Дени, Сен-Мартен и в особенности в Сито. Патриоты звонили во все колокола, какие только имели, они били сбор и стреляли из сигнальной пушки»⁴.

В группах, собравшихся в Сент-антуанском предместье, раздавали план восстания, отпечатанный в большом количестве, причем лишь на улице Сен-Дени его было роздано до 500 экземпляров⁵.

Левассер сообщает, что вожди восстания, приказавши бить сбор, овладели ратушей и здесь создали Комитет восстания, который официально и провозгласил это восстание, редактировав декрет из 11 статей. Остается неясным, какой документ подразумевает под названием декрета автор. Идет ли здесь дело об известном уже нам плане восстания, имеющем действительно 11 статей, или о каком-то другом документе? Приходится допустить второе предположение, ибо, как мы уже знаем, в этом отредактированном в Городской думе документе шло дело о восстановлении максимума, о наделении народа продовольствием и некоторых финансовых мероприятиях. Между тем в плане восстания ни об одном из этих предприятий не упоминается⁶.

В 2 часа дня выступили секции Сент-антуанского предместья... У всех выступавших на шляпах была надпись «хлеба и конституции 1793 г.».

В Конвенте, собравшемся к 11 час. утра под грохот бара-

¹ Claretie, Les derniers montagnards, p. 247—248.

² Для изложения плана восстания Брута Манье мы пользовались работой Клярти «Последние монтаньяры». Клярти использовал для главы, посвященной Бруту Манье, архивные материалы. В настоящее время имеется работа т. Щеголева, уже упомянутая нами, также использовавшая архивный экземпляр брутовского «Демокрита». В ней план восстания изложен гораздо полнее, чем у Клярти (см. «Проблемы марксизма», т. II, с. 150—163).

¹ Buchez et Roux, op. cit., v. XXXVI, p. 313; Thiers, op. cit., c. 111.

² Duval, Souvenirs thermidoriens, p. 243.

³ Lacrosette, Précis historique, p. 427, 428.

⁴ Thiers, op. cit., v. III, p. 242.

⁵ Aulard, op. cit., p. 734.

⁶ Levasseur, Mémoires, v. IV, p. 238—239.

банов и звон набата, представителем Комитета общественной безопасности был зачитан план восстания. Затем по предложению Ляпотра был принят декрет, возлагающий на Париж всю ответственность за покушение против Национального представительства объявлявший вне закона первые 20 человек всякого собрания, рассматриваемых в качестве вождей этого собрания. Помимо того декрет объявлял заседание Конвента непрерывным, призывал всех граждан явиться в свои секции и вводил в действие чрезвычайное положение согласно закону Сиэса.

После этого был принят проект воззвания к гражданам Парижа, и во все районы Парижа были командированы депутаты. Уже в это время спокойствие заседания стало нарушаться криками: «Хлеба, хлеба!» Крики неслись с трибуны, и к ним присоединились требования конституции 1793 г. Масса женщин из предместий заняли трибуны. Однако с первой вспышкой беспорядков Конвенту при помощи представителей золотой молодежи удалось справиться; впрочем вскоре появились главные силы демонстрантов.

Наступили для Конвента тяжелые минуты. В дверях произошла схватка, двери были выломаны, начали греметь выстрелы и около 3 час. 30 мин. громадная беспорядочная толпа ворвалась в зал заседания, причем здесь в свалке был убит депутат Феро. Тело его было вытащено в соседний зал и там обезглавлено...

Все пришло в страшный беспорядок. Оглушительные крики «хлеба и конституции 1793 г.» звучат повсюду. Толпа держится дерзко и вызывающе. «Что вы сделали с нашей свободой?» — кричит один. «Что вы сделали с нашими деньгами?» — кричит другой, и эти крики покрываются грохотом барабанов. Под аплодисменты толпы какой-то канонир читает план восстания, и это чтение сопровождается оглушительной барабанной дробью.

Некоторые депутаты вершины пытаются выступить, но эти попытки не приводят ни к чему. «Уходите все! — кричит какая-то женщина, — мы сами образуем Конвент». Кто-то требует «Арестовать негодяев, арестовать всех». В этих возгласах нельзя конечно не увидеть резкого противоречия с «планом восстания», в котором народному представительству гарантировалось полное уважение... Но об этом будет сказано ниже.

С трибун для публики раздаются предложения: «объявление заседания секций непрерывными, освобождение патриотов, производство обысков и проведение в жизнь конституции 1793 г.»¹

Все настроение ворвавшейся толпы было необычайно враждебным по отношению к членам Конвента. Толпа совершенно не различала правой или левой Конвента, она рассыпала без различия группировок оскорбления, а иногда и удары. Карно говорит, что

какой-то человек, севший на его пюпитр, заявил ему, что сегодня депутатам дадут попробовать, какой вкус у хлеба. Женщины, наводнившие трибуны, делали руками весьма выразительные жесты, изображавшие обезглавление при помощи гильотины. «Видали ли вы такого упрямого пса?» — сказал кто-то из ворвавшихся депутату Ла-Ревельеру-Лепо¹, угрожая ему ножом, пригласившим к палке.

Эта враждебная и густая толпа, — причем густа она была настолько, что друг Ла-Ревальера-Лепо не мог пронести ему завтрак, заполнила весь зал заседаний. Положение оказалось весьма напряженным. Депутатские места опустели. Несмотря на данную в начале заседания клятву умеренные депутаты бежали при первых признаках опасности. Оставшиеся были в ужасе. Представители вершины подвергались одинаковой с большинством опасности, терпели те же оскорбления и даже побои.

Какой-то человек, севший около Бурботта, ударял его время от времени кулаком по голове, причем Бурботт сохранял полную невозмутимость и даже улыбался. Дюкенуа в своей оправдательной записке пишет, что он в течение 7 часов «подвергался оскорблениям, угрозам и насилиям со стороны бунтовщиков»².

Все пришло в страшный хаос. Впоследствии как особую заслугу Конвент отметил то обстоятельство, что представители иностранных государств нашли в себе мужество остаться в своих ложах в течение всего бурного заседания. Представители же прессы этого мужества не имели и в панике покинули свои места.

Правительства как-будто не существовало.

Казалось, один председательствующий Буасси д'Англа сохранил полное самообладание и оставался как бы символом государственной власти. Его таинственное геройство находит свое объяснение в том, что все его поведение было строго согласовано с другими членами комитета, которые в это время собирали необходимые для ликвидации слишком затянувшегося кризиса силы³.

Между тем день склонялся к вечеру. Утомленный Буасси д'Англа был сменен Верние. Внесли лампы, и при их свете все приняло еще более зловещий вид. Оставшиеся в зале депутаты были охвачены ужасом, их гибель казалась им неизбежной⁴.

Насколько все происшедшее, в особенности убийство Феро, напугало депутатов, видно хотя бы из рассказа Дюваля, нахо-

¹ La Revellie r. Lereaux, Mémoires, p. 223, Carnot, Mémoires, v. I, p. 581.

² Michélet, Histoire de la révolution, p. 193; Claretie, Les derniers montagnards, p. 374.

³ Письмо Верние, опубликованное в «Révolution Française», № 31, 1926.

⁴ La Revellier Lereaux, Mémoires, p. 224.

¹ «Moniteur», v. XXIV, p. 497—500, 501—507.

дившегося вместе с отрядом «молодых людей» в саду Тюильри. По его словам около 11 час. 30 мин. ночи он увидел бегущего депутата, бывшего в состоянии страшного возбуждения и кричавшего изо всех сил: «Друзья мои, все погибло, мятежники восторжествовали, Феро зарезан; они захватили всех верных депутатов, боровшихся против анархии. Барассе, Фрерон, Мерлен из Тионвилля, Дюмон убиты, другие термидорианцы бежали, Конвента больше не существует...»¹.

Страх охватил не только умеренную часть собрания, но и его левую. Гужон в своих оправдательных показаниях сообщает, что боялся наступления ночи, благоприятствующей злым людям². Дюкенуа тоже говорит о том, что, начав говорить, он хотел лишь установить порядок. В этих условиях представители большинства обратились к монтаньярам, прося их выступить, «поставив собрание под защиту своей популярности». Жирондист Делае спросил Ромма, «неужели он позволит перерезать членов Конвента?»³. Тогда-то некоторые из представителей вершины, «наполовину уступая их просьбам, наполовину полагая, что движение является много более широким, чем оно было на самом деле, и что это движение благоприятствует их взглядам, вмешались в дело,» — так рассказывает в своих воспоминаниях Карно⁴. Жирондист Верние председательствует, левый Карно уговаривает другого жирондиста Лянжюине, который был возмущен выступлением монтаньяров. «Нужно поздравить себя с тем, — говорит Карно, — что руководство движением попало в руки столь уважаемых людей, которые и помешают ему превратиться в кровавую борьбу». Лянжюине, по словам Карно, был убежден и успокоился⁵.

Депутат Кассаниес примерно так же освещает это событие в своих мемуарах. «Около 9 час., — говорит он, — зародилась идея создать что-то похожее на заседание и обсуждение для того, чтобы успокоить умы и выйти из тяжелого положения, с тем, чтобы на завтра, когда мы снова окажемся хозяевами положения, аннулировать то, что мы найдем нужным сделать сегодня»⁶.

Только в свете именно такой трактовки событий являются понятными слова депутата Ланьело, обращенные к Лежандру, вошедшему в зал во время происходящего голосования предложенных монтаньярами декретов и пытавшемуся прервать эту процедуру: «Лежандр, ты все испортишь, молчи же, ты все испортишь»⁷.

И вот депутаты спускаются ближе к председательской трибуне и организуют импровизированное голосование путем поднятия и опускания шляп. Требования, заявляемые восставшими, облекаются теперь в форму декретов и принимаются. Кроме того для замены не проявивших никаких признаков жизни в течение уже многих часов правительственных комитетов создается комиссия. В эту комиссию входят Дюкенуа, Приер, Бурботт и Дюруа. Названные депутаты спешат к выходу, чтобы отправиться в комитеты и захватить дела, но в дверях сталкиваются с появившимися словно по какому-то волшебству членами комитетов и некоторыми умеренными депутатами, предводительствовавшими вооруженными силами. Депутаты Лежандр, Огиз, Карвелегая, Шенье и Бергуэн врываются в зал. После кратковременной борьбы и мимолетной победы народа победа окончательно склоняется на сторону войск правительства. Народ бежит из Конвента. Термидорианцы торжествуют...

V

Каким образом могло произойти, что Конвент столь быстро и столь легко вышел из создавшегося тяжелого положения, превратившись из унижаемого и оскорбляемого в победителя? Главная вина за поражение, понесенное и на этот раз народом, падает на плохое руководство движением. Конвент долгое время оставался совершенно беззащитным. По зову колокола с башни Единства прибыли отряды некоторых верных правительству секций, которые вместе с артиллерией и окружили Конвент, но оставались совершенно пассивными¹.

Правительственные комитеты как бы исчезли и в течение нескольких часов не подавали никаких признаков жизни. Бездеятельность комитетов, равно как и пассивность прибывших на помощь Конвенту войск, объясняется очевидно численным перевесом восставших; считали за лучшее выждать время, собирая пока что со всех концов необходимые силы.

«Повстанческий комитет, — пишет Кабэ, — не сделал ничего, чтобы парализовать секции и комитеты, тогда как комитеты, окруженные золотой молодежью, не пренебрегли ничем, чтобы собрать термидорианские или жирондистские секции и именно знаменитую секцию Лепеллетье; зная, что происходит в собрании, они ждали, чтобы усталость и голод заставили удалиться часть восставших, а затем броситься на остальных»².

Председательствующий во вторую половину дня Верние председательствовал и во время голосования декретов, предложенных монтаньярами, однако он отказался подписать принятые декреты.

¹ Dulaure, Esquisses historiques, v. V, p. 157.

² Cabet, Histoire populaire, v. IV, p. 221.

¹ D u v a l, Souvenirs thermidoriens., p. 254.

² Claretie, Les derniers montagnards, p. 289, 393.

³ Carnot, Mémoires, v. I, p. 581; Michelet, op. cit., v. VIII, p. 193.

⁴ Ibidem, p. 581.

⁵ Ibidem, p. 582.

⁶ Cassanuyes, Mémoires, «Révolution Française», XIX, p. 237—238.

⁷ «Moniteur», v. XXIV, p. 562.

В своих показаниях, данных им позднее в качестве члена депюлеоновского Сената, он пишет: «Нашим лозунгом было выиграть, поскольку возможно время, чтобы дать тем, кто находится снаружи, возможность освободить Конвент. Я и выполнял это намерение. Я здесь опускаю рассказ о том, что было сделано мною для замедления выполнения принятых решений — достаточно будет сказать, что Конвент был внезапно освобожден»¹.

Развившие энергичную деятельность члены комитета уже к 8 час. вечера оказались в состоянии соборать, привести и расположить в большом дворе Тюильрийского дворца батальон секции Лепеллетье с орудиями. Тибодо говорит, что к Конвенту сбегались «люди, имевшие какое-нибудь имущество и потому боявшиеся грабежей»². «Бросились собирать возможно большее число граждан честных и заинтересованных в том, чтобы не позволить возродиться господству анархии», говорит Ле-Ревельер-Лепо³.

Собрав таким образом отряды зажиточных кварталов, члены комитета, продолжая не подавать никаких признаков своего существования, установили связь с залом заседания при помощи некоего Игнатия Екка (Ignace Eck). Он время от времени посещал зал заседаний, информируя комитет о происходящем. Затем половина батальона секции Лепеллетье была введена в находящийся рядом с залом салон Свободы, однако и этот отряд не производил — до поры до времени — никаких действий.

«Когда я и мои коллеги, — рассказывает Лежандр, — собрали вооруженную силу для освобождения Конвента, я поместил в салоне Свободы секцию Лепеллетье, рекомендуя ей позволять мятежникам, которых мы должны атаковать через другую дверь, свободный выход»⁴.

Когда около полуночи стало очевидным, что голод и утомление сделали то, что огромная толпа в Конвенте сильно передела, а с другой стороны, события приняли решительный для правительства оборот, — была создана комиссия для замены комитетов, решено было действовать. Что касается утомления, охватившего бывших в Конвенте повстанцев, то опять-таки согласно рассказу самих членов комитета, вошедших с отрядом в Конвент, они нашли ступени трибун заваленными телами спящих женщин...⁵.

И вот тогда барабаны собранных батальонов стали бить атаку, и национальная гвардия буржуазных секций с двух сторон ворвалась в зал заседаний. Как мы уже говорили, один момент каза-

лось, что атакующие потерпят поражение, но когда третий отряд правительственных войск ворвался через третьи двери, участь схватки была решена. Правительство одержало полную победу. Повстанцы понесли настоящий разгром и в страшной панике начали убегать через двери и окна. Войска, расположенные в соседних салонах, свободно пропустили всех бегущих из зала, и лишь после этого термидорианцы могли насладиться мстостью по отношению к монтаньярам.

Немедленно же выступавшие в прениях монтаньяры были окружены вооруженными людьми, и расправа началась. «Вспоминательный страх, который был только что испытан, большинство собрания нашло в себе достаточно мужества для того, чтобы быть неумолимым. В течение нескольких минут последовали одно за другим выступления с обвинениями, исходящими сразу с нескольких сторон. Дюруа, Дюкенуа, Бурбогг были объявлены виновными... Потом пришла очередь Субрани и Ромма... Обвинители забыли Гужона. Бурдон напомнил: «Не нужно забывать Гужона!» воскликнул он...»¹

VI

Признание виднейших монтаньяров виновными, высылка их в далекую крепость ничего не изменило в положении сторон — правительства и восставших. Слишком легко одержанная победа была только временной победой Конвента, и его депутатам предстояло на другой день пережить новые опасности и новые страхи. Очевидно Повстанческий комитет понял сделанную ошибку и за ночь принял меры к организации нового выступления. «Набатный колокол зазвонил в 8 час. утра, и все граждане при своем пробуждении услышали этот сигнал отчаяния и смерти...», читаем мы в одной из тогдашних газет.² «На другой день, — говорит Дюваль, — возобновили атаку, но с большим порядком и будучи лучше дисциплинированы, чем накануне. Батальоны предместий Сент-Антуан и Сен-Марсо прошли без всяких препятствий до площади Карусель с пушками, которые они навели на батальоны секций, явившихся при первом слухе об этой атаке и выстроившихся вокруг Конвента. Теперь уже не было разговоров о братском беспорядке, выступали не толпы женщин и мужчин, но вооруженные секции со своей артиллерией. Подводя итоги нашей работы, мы попытаемся ниже дать объяснение такого изменения тактики. Впрочем лозунг «конституция 1793 г.» попрежнему украшал шляпы выступавших. Целые батальоны носили его»³.

¹ Thenard et Gugot, Conventionnel Goujon, p. 168—171.

² «Annales patriotiques»; цит. у Buchez et Roux, op. cit., v. XXXVI, p. 366.

³ Duval, Souvenirs thermidoriens., p. 256; Salvart, Les premiers jours de prairial, p. 27.

¹ «Révolution française» № 31, 1926, p. 259.

² Thibaudeau, Mémoires, v. I, p. 165.

³ La. Rev. Lepeaux, Mémoires, v. I, p. 219.

⁴ «Moniteur», v. XXIV, p. 562.

⁵ Ibidem.

В чьих руках находилось теперь руководство движением? При открытии Конвента было сообщено об образовании в городской думе «Конвента суверенного народа», который впрочем скоро покинул коммуну и перешел в Сент-Антуанское предместье¹. Был ли этот Конвент отличным от комитета восстания или он был тождественен ему, мы сказать не можем, возможно что здесь дело шло о каком то новом центре восстания, более близком к массам, чем «комитет». Но во всяком случае и комитет продолжал действовать. Автор «Первых дней прериала» Сальверт говорит, что комитет, который не оставил никаких писанных следов и распоряжений, объявил вне закона секции, выступавшие накануне в защиту Конвента. Далее дается точное перечисление этих секций: Мельничного холма, Пик, Мон-Блан, Социального договора, Вильгельма Телля и т. д. Когда батальоны предместий двигались по направлению к площади Карусели, они повстречали нескольких граждан из буржуазных секций, которых и арестовали на том основании, что они объявлены вне закона².

Конвент со своей стороны принял необходимые меры для защиты. Были мобилизованы верные, населенные зажиточными людьми секции. Несмотря на это, положение было чрезвычайно опасным, это сознавалось всеми. «Никогда с начала революции не происходило ничего подобного тому, что мы пережили несколько дней назад», писал депутат Ровер своему другу Гупилло. «Никогда Конвент не избегал большей опасности», пишет он через несколько дней. Из этой же переписки мы узнаем способы, которыми Конвент обеспечил себе вооруженную силу. «Мы обязаны нашим спасением, — пишет Ровер, — лишь энергии честных граждан, выбранных по отдельности в каждой секции. Мы обратились с призывом к каждой секции и чрезвычайно быстро получили армию в 50 тыс. человек, которая вместе с кавалерией, вызванной нами, спасла нас, а вместе с нами и общественное дело»³.

Таким образом около полудня 2-го прериала Париж «честных граждан», Париж зажиточных кварталов и, Париж трудящейся бедноты, Париж «каналей», как выражались термидорианцы, стояли друг против друга. Орудия батальонов предместий были наведены на Конвент, фитили канониров дымились, и казалось, что наступили последние минуты термидорианского правительства.

Однако атака так и не была произведена, и огонь из орудий не был открыт. Выстроившиеся друг против друга армии время от времени вступали в спор, переходивший в перебранку. Временами враги начинали убеждать друг друга. Каждую минуту казалось, что спор перейдет в стычку. Положение делалось все более и более напряженным... Тогда канониры верхних Конвенту

секций уступили уговорам людей из предместий и между ними началось братание. Их орудия перешли в руки повстанцев, и артиллеристы общей гурьбой отправились по кабачкам, чтобы закрепить узы братства. Генерал Дюбуа, посланный с отрядом кавалерии, был захвачен батальоном секции Монтрейль и задержан как заложник¹.

Положение Конвента сделалось критическим. Собравшиеся с 9 час. утра депутаты с минуты на минуту ждали начала обстрела. Внезапно вбежал депутат Бурсо и сказал: «В данный момент и Конвент и комитеты должны быть стойкими для того, чтобы поддержать тех граждан, которые с добрыми намерениями окружают нас, и сделать бесполезными усилия преступников, проникших в ряды верных секций».

Лежандр требует, чтобы все остались на своем посту и чтобы никто не выходил посмотреть на происходящее на площади. «Все добрые граждане, — говорит он, — решили поддержать Конвент, они знают, что если Конвент будет распущен, то вместе с ним погибнет и республика». «Природа, — мрачно заявлял Лежандр, — сулила нам всем смерть, не все ли равно раньше или позже. Будьте тверды. Лучшее, что мы можем сделать, — это хранить молчание».

В этом жутком молчании и полной неизвестности проходит полчаса времени. На трибуну выходит Рабо-Поммие. «Все граждане, — говорит он, — проявляют намерение брататься друг с другом, они желают также, чтобы Конвент наметил десятерых из своих членов для объяснения с ними». Высказывается предположение запросить по этому поводу комитеты. Лежандр оказывается гораздо сообразительнее депутата внесшего это предложение. «Я надеюсь, — говорит он, — на счастливый результат того мероприятия, которое у нас просят». Таким образом избавление было послано Конвенту и исходило от самих восставших. Начало переговоров означало уже огромный выигрыш для правительства. Однако, как мы видели, далеко не все поняли значение этого события, некоторыми было проявлено желание оттянуть послышку делегации, начав сноситься по этому поводу с комитетами.

В 8 час. вечера появляется Лапорт и сообщает от имени комитетов — под гром аплодисментов — следующее: «Братство царит в рядах граждан, проекты лиц, желавших вооружить граждан друг против друга, потерпели крах. Все батальоны кричат: «Да здравствует республика, уважение представителям народа!» Лапорт предлагает от имени комитетов декрет, представляющий собой в данном положении великолепный шахматный ход термидорианцев, желавших использовать сложившуюся обстановку. Предложенный декрет заключался в следующем: «Конвент, заяв-

¹ «Moniteur», v. XXIV.

² Salyvert, Les premiers jours de prairial, p. 27, 76.

³ Rover, Correspondance intime, p. 182, 184.

¹ Salyvert, Les premiers jours de prairial, p. 30—31.

ляя, что продолжает заниматься без всяких промедлений вопросами продовольствования граждан Парижа, постановляет, что Комиссия одиннадцати должна выработать органические законы конституции 1793 г. к 25 числу сего месяца. Настоящий декрет будет объявлен немедленно всем окружающим Конвент гражданам, опубликован во всех секциях Парижа и разослан во все департаменты через экстренных курьеров».

Декрет был незамедлительно принят Конвентом, после чего был заслушан доклад делегации, посетившей повстанческие отряды. Депутат Леклуа, член делегации, заявил, что народ жаждет скорейшего проведения в жизнь конституции. Решено было заслушать делегацию народа, явившуюся вместе с вернувшимися в Конвент депутатами. Какой-то весьма упрямый и очевидно мало разбиравшийся в событиях член Конвента требовал, чтобы избегали крайних мероприятий, которые могут унизить Конвент. Но слово все же было предоставлено члену делегации восставшего народа — Сент-Жиезу¹. Его речь перебивалась криками и ропотом с трибун, наполненных представителями золотой молодежи, предпочитавшими в опасных обстоятельствах отсиживаться в залах Конвента, а не находиться на площади.

«По приглашению генерала Дюбуа, сказал оратор повстанцев, граждане Сент-Антуанского предместья и предместья Сен-Марсе избрали нас для изложения перед вами наших взглядов. Народ требует хлеба и конституции 1793 г., а также освобождения заключенных патриотов («таких нет», — кричат трибуны). Народ требует освобождения патриотов, арестованных после 9 термидора. Народ требует наказания преступников. Народ требует кары для тех, кто убивает его, устанавливая различия между «ассигнатами» и звонкой монетой. Народ требует осуществления прав, которые ему были обеспечены конституцией и Декларацией прав человека. Народ — друг конституции и человечества, он готов вернуться к своим семьям, но он также решил скорее умереть на занимаемом посту, чем отступить от изложенных мною — от его имени — требований».

Ввиду страшного ропота трибун оратор был вынужден в заключение своей речи заявить: «Меня зовут Сент-Жиез, я ничего не боюсь. А вот лозунг народа: «Да здравствует республика, да здравствует Конвент, если только он друг принципов!»

Очевидно конвентская головка понимала лучше положение вещей, чем масса сторонников правительства; несмотря на протестующий шум и ропот, председатель Конвента братски облобызал оратора и пригласил делегацию присутствовать на засе-

дании. Термидорианцы выиграли ставку. Вскоре Лапорт сообщил от имени комитета, что полное братство царит среди всех граждан, находящихся на площади. Тогда Конвент решил закрыть заседание¹.

VII

Так закончился этот день, который мог стать роковым для Конвента и термидорианцев. Восставшие, опьяненные своим успехом, «слишком удивительным, чтобы можно было охватить его размеры, думали только о том, как бы удалиться, и без труда согласились вернуть захваченные пушки»².

Матьез говорит, что народ был на волосок от победы, однако этой победы народ одержать не сумел. Но несомненно, что именно день 2-го прериала, а не 1-го, является наивысшим пунктом подъема волн прериальского движения. Именно второго числа имелось больше всего шансов на превращение вооруженной демонстрации в вооруженное восстание, т. е. такое выступление, когда ружья и пушки не только двигаются с толпами народа, но и стреляют, приводимые в действие руками народа. Но старая традиционная тактика опять-таки возобладала. Держа Конвент под дулами своих орудий, народ нашел возможным отправить к нему делегацию и принять делегацию от него. И этот момент был началом поражения. Термидорианцы это конечно поняли и именно поэтому с величайшей готовностью вопреки протестам менее дальновидных из их собственной среды и ропоту трибун пошли на переговоры.

Объяснение этого лежит в том, что руководившие выступившими против термидорианцев массами в ту эпоху не ставили себе задачей захватить власть, а, в сущности говоря, хотели лишь или исправления деятельности Конвента или улучшения его состава, поэтому всякое выступление под таким лозунгом как бы не имело под собой твердой почвы и по любому поводу могло быть превращено из почти одержанной победы в поражение. Только Бабеф покончил с этими традициями и попытался подойти к вопросу иначе и более решительно.

Уже на другой день результаты легковерия народа, отсутствия надлежащего руководства и, может быть, наличия различных установок всего движения оказались налицо. Декрет о подготовке к проведению конституции был издан, но в тиши правительства подготавливало атаку против «ужасных предместий».

В этот день Конвент собрался всего лишь на два-три часа. Было заслушено чрезвычайно важное и укрепившее положение правительства сообщение о заключении мира с Пруссией. Затем

¹ Некоторые авторы называют оратора делегации не Сент-Жиез, как это имя передано «Монитером», а Сент-Лижье (см. Toulongeon, Histoire de France, v. V, p. 256).

¹ «Moniteur», v. XXIV, p. 527—528.

² Salvart, Les premiers jours de prairial, p. 32.

был предложен и принят декрет о запрещении барабанного боя без разрешения представителей народа и без специального законодательного постановления. Помимо того особым постановлением поручили руководство воинскими силами представителям народа Дельмасу, Жиле и Обри (Delmas, Gillet и Aubry). После этого собрание разошлось¹. Но хотя конвентский отчет этого дня и содержал в себе фразу: «Спокойствие царит в Париже со вчерашнего дня», взволновавшемуся морю народных страстей успокоиться было нелегко.

В этот день должна была состояться казнь Рено, убийцы депутата Феро, но «люди первого и второго прериаля, — пишет Сальверт, — возмущенные этим покушением против их суверенитета, бросились к трибуналу, сняли с уже приготовленного эшафота своего достойного сообщника и с триумфом доставили его в предместье Антуан»², причем легкость, с какой была выполнена эта операция, объяснялась очевидно бездеятельностью охраны, состоящей из жандармов, верность которых по словам того же Сальверта была подозрительна.

В ответ на это выступление было произведено выступление верных правительству сил, которое впрочем имело весьма плачевный результат для выступавших. «Мы, молодые люди, — пишет Дюваль, — при первом слухе о новой опасности, угрожавшей Конвенту, сбегались со всей поспешностью, собрались вокруг него и предложили ему наши услуги, которые были приняты с готовностью»³.

Лакретель утверждает, что золотая молодежь предприняла поход против предместий за свой собственный страх и риск, однако упоминание о присутствии среди выступавших представителей народа противоречит этому утверждению⁴.

Впрочем присутствие среди вождей золотой молодежи депутатов Конвента не принесло ей особой пользы: вся авантюра потерпела полный и репительный крах. Правда, молодые люди «при наступлении утра вошли в предместье Сент-Антуан», говорит Дюваль, затем они «храбро прошли его, без труда отнимая пики и ружья, за которые никто теперь не боролся». Но это было только начало: вскоре сзади них, словно по волшебству, выросли баррикады, отрезавшие путь к возвращению. И вот наши храбрецы к их величайшему ужасу «оказались запертыми в этих кавдинских ущельях». «Со всех крыш, со всех окон, казалось, были готовы низвергаться на них смертоносные метательные снаряды», говорит один из участников выступления. «Абсолютно безлюдные улицы

оживились, послышался грохот барабана, масса людей в полном порядке выступила из всех боковых улиц».

Положение вторгнувшегося в предместье отряда стало чрезвычайно серьезным. «Храбрые молодые люди» оказались совершенно окруженными и каждую минуту могли быть серьезнейшим образом атакованы толпой сильных людей, действующих на своей территории и у дверей своих домов», людей, «ненавидевших их от всего сердца и не склонных падать». Но в конце концов население «страшных предместий» совершило новую ошибку: отряду мюскаденов было разрешено покинуть предместье, возвратив однако захваченные им трофеи — пики и ружья¹.

Атака, неудавшаяся утром, была возобновлена на другой день с большими силами и с большей подготовкой. «Линейные войска, — пишет Сальверт, — были более многочисленны, чем накануне, несколько генералов, известных своими славными делами на фронтах, были во главе их»².

Термидорианцы чувствовали теперь свою силу и заговорили совершенно в ином тоне, чем делали это два дня тому назад. От имени комитетов был предложен декрет, в котором говорилось о «мятежниках из предместья Сент-Антуан, которые, придя с оружием к Конвенту, направили свои пушки на место его заседания и вырвали от представителей 25 млн. граждан декреты, не могущие быть результатом вынуждения, но лишь добровольного и свободного волеизъявления большинства».

Перечислив все совершенные мятежниками злодеяния, декрет Конвента предъявлял им ультиматум — выдать убийцу депутата Феро и отдать пушки. Невыполнение этого ультиматума влекло за собой объявление предместий восставшими, применение к ним силы и лишение их хлебного пайка. Другим принятым декретом было запрещено патрулирование и ношение на шляпах лозунгов под страхом немедленного расстрела. Депутация секции Кенз-Вен является и просит слова, но день 2-го прериаля канул в вечность — делегатам в просьбе отказывают. «Никаких соглашений с изменниками!» — несутся крики со всех сторон.

Председатель хочет ознакомить собрание с содержанием петиции, принесенной делегацией секции, но Бурдон предлагает ее не заслушивать ни в коем случае. «Пусть же Конвент покажет себя великим. Сегодня первый день республики, ибо будет отомщена величайшая национальная несправедливость», заявляет он.

Председатель собрания всходит на ораторскую трибуну и говорит по поводу петиции: «Негодяи вновь хотят ввести в заблуждение народ относительно мотивов возмущения, они хотят

¹ «Moniteur», v. XXIV, p. 529—531.

² Salvert, Les premiers jours de prairial, p. 33.

³ Duval, Souvenirs thermidorien, p. 259.

⁴ Lacrosette, Dix années d'épreuves, p. 225.

¹ Duval, Souvenirs thermidorien, p. 225—226, Lacrosette, Dix années d'épreuves, p. 225.

² Salvert, Les premiers jours de prairial, p. 36.

уверить, что восстали лишь для того, чтобы добиться отмены декрета о продаже золота и серебра, и заявляют, что, поскольку декрет отменен, они готовы не вести больше с нами войны»¹.

Сообщение встречается сильнейшим ропотом, председатель предлагает немедленное выполнение недавно принятого декрета, и предложение принимается при бурных аплодисментах...

В 8 час. вечера от членов Конвента, руководящих воинскими силами, выступавшими против предместий, приходит сообщение: «Меры, декретированные Конвентом, энергично выполняются: мы узнали сейчас, что секция Попенкур только что сдала свои пушки, и мы не сомневаемся в том, что остальные секции сдадут свои орудия в кратчайший срок. Войска республики захватили много пленных, среди которых имеются пешие и конные жандармы». По предложению Дюбуа Крансэ выносятся постановления относительно предания всех мятежников, захваченных с оружием, специальной «военной комиссии», которой должен быть поручен разбор всех дел, касающихся «заговора первых чисел настоящего месяца и последовавшего за ним мятежа».

Появляется депутат Огиз и приносит сообщение о полной победе конвентских войск. «Все пушки, которыми обладало Сент-Антуанское предместье, взяты и находятся в пути, значительное количество вождей восстания идут за ними, но теперь-то конечно они не наведут на вас своих орудий», — торжественно говорит он.

Победа, казалось, была полной, однако термидорианцы вошли во вкус и не были еще удовлетворены: убийца Феро все еще не казнен, среди арестованных нет депутатов, якобы скрывшихся в предместьях, поэтому принимается решение поручить комитетам принять все меры к полному выполнению декрета, изданного касательно подавления движения.

После того как было сообщено о возвращении полного спокойствия и о принятии всех мер к обеспечению этого спокойствия, заседание было закрыто².

VII

Что же в это время произошло вне Конвента и каким образом было достигнуто полное подчинение Сент-Антуанского предместья? Как мы уже говорили, значительные военные силы — 20—30 тыс. человек были сосредоточены и двинуты против предместий. К регулярным войскам присоединились страды национальной гвардии жилищных кварталов и лишь недавно потерпевшие жестокое поражение мюскадены. Приняли меры для того, чтобы от-

резать предместье от других могущих ему помочь секций. Это дело было поручено генералу Кильмену, а руководство главными силами — генералу Мену. Кильмен несмотря на попытку сопротивления, оказанную секцией Неделимости, выполнил задачу изощренной Сент-Антуанского предместья.

Главный же отряд наткнулся около сада Бомарше на значительные силы восставших, имевших четыре пушки, которые были наведены на конвентские войска. Еще раньше восставшими была сделана попытка увеличить свою артиллерию путем захвата пушек из арсенала. Конвентские войска приготовились к бою, но находящиеся при них члены Конвента огласили бунтовщикам декрет Конвента и заявили: «Мы даем вам один час для того, чтобы вы подчинились декрету; если вы будете упорствовать в вашем мятеже и после этого срока, то мы имеем наготове придать тысяч человек. Пули и бомбы вернут вас к выполнению вашего долга»¹.

Первой подчинилась секция Попенкур, она выдала свои орудия и начальника канониров мулата Делорма, фигуру очевидно весьма заметную и очень колоритную. Сальверт называет его «человеком, известным своим зажигательным влиянием во всех выступлениях этой секции», и говорит, что именно Делорм 2-го прериаля приложил свой горящий фитиль к затравке наведенного на Конвент орудия, собираясь открыть огонь².

Очевидно в секции Попенкур не обошлось без жестокой внутренней борьбы. «Честные граждане, — пишет Сальверт, — бывшие столько времени угнетенными, набрались теперь мужества и объединили вокруг себя людей робких и нерешительных... Все отмежевались от бунтовщиков, все поднялись против них». Другой современник событий Тулонжон указывает весьма конкретно на тех, кто были этими «честными гражданами». «Собственники и хозяева мастерских, — говорит он, — начали понимать, что сопротивление неминуемо приведет к битве, аренной которой сделается принадлежавшая им собственность, и они встали между своими рабочими и властями четырех секций»³.

За секцией Попенкур последовали другие секции предместья, и победа была завершена...

Сопротивление было сломлено окончательно и началась расправа с побежденными, осуществляемая в первую очередь созданной Конвентом Военной комиссией.

Кроме того, для того чтобы обезопасить себя на будущее время, было проведено разоружение «террористов и злоумышленников по всем секциям, помимо этого производились и аресты лиц, замешанных или объявленных замешанными в движении.

¹ «Moniteur», v. XXIV, p. 539.

² S a l v e r t, Les premiers jours de prairial, p. 40.

³ Ibidem, T o u l o n g e o n, Histoire de France, p. 260.

¹ Декрет о свободной продаже золота и серебра был действительно принят Конвентом, но отменен 2-го прериаля.

² «Moniteur», v. XXIV, p. 537—540.

Секционные собрания организованы были для этих целей с 5-го по 10-ое прериала»¹.

Один из корреспондентов Мале-де-Пана рассказывает, что 6-го прериала секциям был дан приказ возвратить их пики, т. е. разоружить $\frac{3}{4}$ обитателей под страхом тюремного заключения. Все это было произведено без всякого шума, образовались длинные очереди людей, сдающих пики. «Я сам, — пишет наш корреспондент, — ждал $\frac{3}{4}$ часа, чтобы вернуть свою пикку»².

Что же касается Военной комиссии, то направления и характер ее деятельности были совершенно ясны: депутат Грегуар 4-го прериала заявил на заседании Конвента: «Разить быстро и сильно — это средство спасения; подумайте, что виновники стольких преступлений ожидают безнаказанности лишь для того, чтобы совершать новые преступления».

Был подобран специальный состав комиссии из рядовых военных, могущих стать покорным орудием в руках термидорианцев.

8-го жерминаля Конвент декретировал предание этой «быстро и сильно» разящей комиссии арестованных и заключенных монтаньяров.

Мы не собираемся останавливаться на подробностях трагической смерти последних монтаньяров и не думаем подробно заниматься их личностями, привлекая к себе внимание Клярти, который за их фигурами в сущности не увидел много, весьма интересное и важное. Мы не собираемся ставить Ромма, Гужона и др. в центр нашего изложения. Мы конечно соглашаемся с тем, что смерть последних монтаньяров представляет собою даже среди событий французской революции конца XVIII в. явление исключительного трагического эффекта, но нас интересует не эта сторона дела. Нам хотелось бы уяснить, каково было участие в прериальском движении этих людей, столь отважно предпочтивших смерть от собственной руки смерти от руки палача.

Левассер категорически утверждает, что члены Вершины были и участниками и даже организаторами движения. «Несколько смелых молодых людей, — пишет он, — создали план для восстановления господства патриотов; они договорились с некоторыми депутатами Горы, которые им обещали поддержку. Представители народа Гужон и Бурботт согласились быть даже вождями восстания: решили использовать опыт 12-го жерминаля, чтобы обеспечить движению успех»³.

Это свидетельство чрезвычайно важно, оно полностью совпадает с утверждениями врагов монтаньяров, которые доказывали, что вожди и организаторы прериальского восстания сидят в самом Конвенте. «Тогда-то и выяснилась, — писал Дюран-Майян, —

печальная истина, которую большинство Конвента только подозревало, что в нем самом имеются предатели и что истинные виновники мятежа и главные его заговорщики находятся в его среде»¹.

Дюваль уверяет, что члены Вершины «ходили в предместья и совещались с Делормом, мулатом и командиром канониров секции Попенкур»². Но подобно фальсифицированному протоколу заседания 1-го прериала эти уверения врагов Горы ничего не доказывают, гораздо важнее приведенное выше свидетельство Левассера, хотя против него имеется одно очень серьезное возражение. Левассер сам в это время уже не был в Париже и не наблюдал событий... Другим важным возражением и против Левассера и против всех, утверждающих участие монтаньяров в заговоре, является все их поведение в течение бурного дня 1-го прериала.

Поведение это очень мало походило на поведение вождей. Если монтаньяры Гужон, Ромм, Субрани и др. были вождями восстания, то почему они теряли золотое время, ожидая вечера, и почему они не предприняли ничего для того чтобы провести законодательным порядком очевидно давно известные в таком случае и обусловленные мероприятия?

Почему, если только они были связаны с восстанием, восставший народ, ворвавшийся в Конвент, не выделил их из числа других депутатов, подвергая их, как и всех других, оскорблениям и даже побоям? Почему наконец никто не заинтересовался их судьбой после первого дня массовых выступлений? Почему никем не было предъявлено требование об их освобождении? Между прочим уже Мишле обратил внимание на это обстоятельство. «В отличие от жерминаля, — говорит он, — все движение не имело в себе ничего сочувственного по отношению к Горе»³.

Ведь после жерминальских дней по отношению к Билло-Варенну и Барреру была совершена какая-то попытка освобождения, являющаяся правда весьма запутанным и темным эпизодом, по отношению же к последним монтаньярам мы наблюдаем как будто полное равнодушие восставших.

Наконец и трагический конец последних монтаньяров не имеет ли свое объяснение именно в их полной непричастности к заговору и не является ли он отчаянной и мрачной попыткой заявить свой протест против гнуснейшей провокации, совершенной конвентским большинством по отношению к ним?

Конечно можно брать под сомнение их письменные показания, которыми они пытались доказать всю нелепость обвинения

¹ Durand de Maillane, Mémoires, p. 362.

² Duval, Souvenirs thermidoriens, p. 244; Durand de Maillane, Mémoires, p. 362.

³ Michelet, op. cit., v. VIII, p. 190.

¹ Salvart, Les premiers jours de prairial.

² Mallet de Pan, Correspondance, 146.

³ Levassieur, Mémoires, v. IV, p. 237.

их в соучастии с восставшими. Однако некоторые места этих показаний звучат очень искренно, а некоторые вполне правдоподобны.

Так Дюкенуа в своих показаниях пишет: «Я говорил, как и другие, по приглашению председателя, полагая, что делаю хорошо и способствую установлению порядка». Гужон рассказывает: «Я отправился утром в Конвент без денег и без оружия и пошел купаться около Елисейских полей, съел же я одно только пирожное»¹.

По всем этим причинам утверждения Кабэ и Тьера нам кажутся совершенно основательными и правдоподобными. Кабэ в своей популярной «Истории революции» говорит: «Монтаньяры не знали проекта восстания, что было ошибкой почти невероятной». Тьер утверждает: «Члены Горы не имели сношений с этим неизвестным повстанческим комитетом, не были им уведомлены и подобно своим коллегам узнали о движении лишь благодаря крикам толпы и набатному звону»².

Если Гора имела связь с повстанцами, то как можно объяснить отсутствие в плане восстания какого-либо упоминания о Горе, какого-либо указания на нее и на ее роль? Между тем выступление Ванэка в жерминале заключало в себе специальное обращение к Горе, заговор 29-го жерминаля имел своим лозунгом фразу: «Да здравствует Гора», и наконец Брут Манье предполагал в своем проекте восстания, что он будет зачитан представителем конвентской Вершины...

Но сидящий в далеком заточении Брут Манье не знал настроений парижской массы, а мы можем высказать предположение, что настроения эти были после срыва жерминальского выступления представителями Вершины далеко не в их пользу. Этим и объясняется отсутствие в плане восстания каких-либо упоминаний о Горе.

Напротив, в плане восстания имелся пункт, который можно истолковать как страховку против вождей-предателей, которыми могли быть монтаньяры и которые в этом пункте трактовались как агенты правительства.

Вероятно именно враждебностью к монтаньярам объясняется то, что в Комитет восстания вошли новые, никому неизвестные люди, что все движение носило более грозный и более бурный характер, так как монтаньяры, столь склонные к легализации, к смягчению характера массовых выступлений, в нем не принимали участия.

Различие в этом отношении между выступлениями жерминаля и прериала бросалось в глаза всем. Карно в своих воспомина-

ниях заявляет, что он «никогда в дни революции, даже наиболее грозные, не видал народ столь отчаявшимся; это единственный раз, когда он показался мне грозным». Человек из другого лагеря Понтекулан тоже сообщает, что даже сборища «роковых дней 31-го мая» были менее многочисленны и «в особенности менее душевлены ненавистью», чем толпы в дни прериала¹.

Если внимательно вчитаться в брошюру враждебного монтаньярам Сальверта, то в ней можно найти доказательство отсутствия связи монтаньяров Конвента с восставшими. «Известно, — говорит Сальверт, — что заговорщики-депутаты сами боялись своих собственных агентов. Многие старались получить слово, но не были в состоянии водворить тишину... Когда же они добились получения слова, мятежники их прерывали ежеминутно, проявляя к ним презрение».

Любопытно, что Сальверт указывает и пункт разногласий между восставшими и монтаньярами. Этим пунктом было требование восстановления парижского муниципалитета. «Депутаты, — пишет Сальверт, — притворялись, что не слышат этого требования, чтобы не быть вынужденными обратиться к предложению»².

Так обстояло дело с вопросом об участии монтаньяров в организации восстания и об их роли в нем. Нам кажется, что имеются данные для того, чтобы отрицать это участие.

IX

Но тем не менее вопрос о руководстве движением, о его вождях и массах остается вопросом очень сложным. Является несомненным, что весна 1795 г. была отмечена необычайным обострением классовой борьбы и оживлением политической деятельности группировок, находящихся в оппозиции к термидорианскому режиму. Это оживление проявлялось и в деятельности группировок, состоящих из остатков «бешеных» и гебертистов, и в деятельности монтаньяров Конвента. Основным фоном, на котором развивалось движение, был острый недостаток продовольствия, однако ни движение жерминаля, ни движение прериала нельзя назвать голодными бунтами. Мы видели, что политические требования предъявляются одновременно с требованиями продовольственного характера, а иногда и доминируют над ними.

Ни жерминаль, ни прериаль нельзя назвать внезапными стихийными вспышками. Как мы уже говорили, оба выступления представляли собою лишь звенья целой цепи выступлений и оба эти выступления по-своему были подготовлены и организованы. По поводу этого утверждения едва ли приходится много говорить.

¹ Claretie, Les derniers montagnards, p. 289.

² Cabot, Histoire populaire, v. IV, p. 218; Thiers, op. cit., v. III, p. 242.

¹ Carnot, Mémoires, v. I, p. 580, Pontecoulant, Souvenirs historiques, v. I, p. 351.

² S a l v e r t, Les premiers jours de prairial, p. 70—71.

Нам кажется, что все наше изложение дало для такого утверждения достаточно материала. Взять хотя бы агитацию, предшествующую прериальскому выступлению и ведущуюся в войсках, или хотя бы такой мелкий факт, как распространение плана восстания на одной только улице в количестве 500 экземпляров. Наконец несомненное наличие Комитета восстания, существование детально разработанного плана, учитывавшего предыдущий опыт, — все это мало вяжется со стихийностью выступлений.

Между прочим версия о стихийности хотя бы прериальского движения — версия позднейшая. Современник событий Тулонжон, изложив план восстания, заявляет, что «этот план, задуманный, отредактированный, опубликованный, не был актом восстания стихийного, произведением увлечения и возбуждения чувств, — он очевидно был результатом созревших, втайне обдуманных замыслов»¹.

В своем месте мы писали, что в выступлениях весны 1795 г. якобинцы, учтя опыт предыдущих лет, объединились с широкими народными массами, борясь вместе с ними за одни и те же требования. Теперь мы должны признать такую оценку якобинской тактики верной лишь наполовину и во всяком случае слишком оптимистичной по отношению к революционности якобинцев и к возможности установления тесной связи между ними и широкими массами².

Лишь в первом жерминальском выступлении нам кажется можно найти следы связи его с монтаньярами Конвента и то вероятнее всего с их левым крылом. Впрочем и эта связь не дала мощи и крепости движению, наоборот она его разложила и дезорганизовала.

Во втором выступлении по нашему мнению монтаньяры не участвовали, они были им захвачены врасплох, и все движение было им так же враждебно, как и всем депутатам Конвента.

Их выступление с предложением декретов объясняется скорей всего желанием ввести все движение в русло, недаром Карно пишет, что «без вмешательства монтаньяров покушение было бы доведено до последних пределов, вот то, чего не нужно забывать»³.

Монтаньяры очевидно не были вождями движения, у него были какие-то новые, «неизвестные дальше пределов своего квартала» руководители. Руководители эти принадлежали к гебертистско-бешеной группировке. Но можно ли говорить, что массы выступавших, по крайней мере, в прериале целиком подчинились их руководству. Очевидно, по отношению к Конвенту массы выступавших имели другой взгляд нежели их руководители. Если

между монтаньярами и этими руководителями разногласия концентрировались на вопросе о муниципалитете, то здесь линия расхождения проходила по вопросу об отношении к Конвенту.

В самом деле, что обозначали раздававшиеся 1-го прериала рики: «Уходите все, мы сами создадим свой Конвент! Или предьявленное тогда же требование — «арестовать всех, арестовать всех егодяев!» Такие заявления резко расходились с теми пунктами Акта восстания», в которых говорилось об уважении к народному представительству.

Не в этом ли расхождении заключалась причина плохого руководства восстанием и не в победе ли каких-либо еще более решительных элементов, нежели «Комитет восстания» заключается разгадка изменения тактики, которой придерживались восставшие 2-го прериала, сравнительно с их поведением 1-го прериала. И может быть неудача дня 2-го прериала объясняется тем, что массы неокончательно превозмогли своих вождей. Может быть в этом вопросе завязан и тот узел, который объясняет нам возникновение какого-то «Конвента суверенного народа», существовавшего одновременно с Комитетом. Этим же объясняется и приближение тактики 2-го прериала к подлинному вооруженному восстанию и очевидное проявление массами их ненависти к народному представительству. Может быть Сент-Лижье, резко выступивший против Конвента, и был выдвинут этими массами?... Но что представляла собою масса выступавших? Не может быть сомнения в том, что мы имеем перед собой выступления масс городской трудящейся бедноты — ремесленников и рабочих. Это обстоятельство было совершенно очевидным для современников движения и разумелось как-то само собой.

Дюмон, выступая в Конвенте 1-го прериала, заявил, что он «информирован» о возможности выступления, но что, проезжая по Парижу, он нашел его спокойным, что впрочем неудивительно, так как он проезжал секции Елисейских полей, т. е. аристократические и зажиточные кварталы².

Центром всего движения были кварталы, населенные трудящейся беднотой, предместья Сент-Антуан, Сент-Марсо, квартал Ситэ. Секции с буржуазным населением выступали в качестве защитников Конвента — секции Гренельского фонтана, Лепеллетье, Мельничного холма и т. д. Однородность состава выступавших отмечает и Левассер. «Силы восставших, — пишет он, — были значительны, но они были далеки от масс, восставших 31 мая. Буржуазия изгнала из батальонов национальной гвардии всех граждан низших классов, и одни только батальоны предместий приняли участие в восстании»³.

¹ Toulangeon, Histoire de France, v. V, p. 244.

² Моносов, Очерки по истории якобинцев, с. 150.

³ Carnot, Mémoires, p. 582.

¹ Моносов, Очерки по истории якобинцев, 150.

² «Moniteur», v. XXIV, p. 499.

³ Levasseur, op. cit. v. IV, p. 238.

Из всего числа привлеченных к суду упоминаемой выше Военной комиссией, ведавшей всеми делами, связанными с прериальским выступлением, достигавшим 115 человек — 35 человек были жандармами, перешедшими на сторону народа, а 49 человек — ремесленниками и рабочими, из остального числа необходимо вычесть число привлеченных к суду комиссии депутатов, и тогда количество нерабочих, представших перед грозной комиссией, окажется незначительным¹.

Показательным является и восклицание одного из ворвавшихся в Конвент 1-го жерминаля и обратившегося к своему соседу со словами: «Как, ты не носишь на шляпе лозунга, — ты наверное ешь каждый день?»².

Если принять во внимание состав выступавших, то те данные, которые мы имеем относительно требования восстановления максимума, данные, имеющиеся и у Кабэ и у Левассера, являются чрезвычайно интересными. Они указывают на то, что максимум попрежнему считался теми, кто выступал весной 1795 г., как и теми, кто выступал весной 1793 г., чрезвычайно важным и полезным для широких трудящихся масс мероприятием. К сожалению мы не имеем никаких данных об отношении монтаньяров к этому вопросу, не имеем даже таких данных, какие мы сумели почерпнуть у Сальверта по поводу их отношения к вопросу о восстановлении муниципалитета.

Какое значение имеют выступления весны 1795 г.? Нам кажется, что неудачи этих выступлений в значительной степени объясняют характер заговора Бабефа. Последний несомненно использовал и учел опыт и жерминаля и прериала и кроме того опыт заговора «Красных яиц». Только заговором Бабефа было порвано окончательно с традицией вооруженной демонстрации и только теперь было решено произвести настоящее вооруженное восстание с уничтожением существующей государственной машины, с захватом власти в руки восставших. До этого времени руководители восставших масс выдвигали проведение своих требований через тот же Конвент, против которого они выступали. И заслуга Бабефа заключается в том, что он преодолел этот фетишизм народного представительства. В этом отношении он выразил то мнение народных масс, которое было проявлено уже в прериале, но которое конечно во много раз ярче проявлялось в эпоху Директории. Учет этих отношений и помог Бабефу сделать значительный шаг вперед, однако шаг этот не мог бы быть совершен без жестокого опыта жерминаля и прериала, явившихся предметом настоящей статьи.

¹ Список привлеченных помещен в виде приложения к книге Claretie, *Les derniers montagnards*, p. 391—403.

² Claretie, *Les derniers montagnards*, p. 22.